

Βασιλείου τοῦ φιλοχρίστου βασιλέως). Обѣ Эпанагогѣ, изданной Василиемъ I, онъ сообщилъ свѣдѣнія совершенно недостаточныя. Онъ оставилъ въ сторонѣ всѣ гражданскіе законы, имѣющіеся въ этомъ памятникѣ и занимающіе (по изданію Цахаріэ) 117 страницъ. Изъ книги Фогта мы не узнаемъ, сдѣланы ли были Василиемъ I какія нибудь нововведенія въ гражданскомъ правѣ или вѣтъ?

Само собою разумѣется, что въ изслѣдованіи молодого ученаго встрѣчаются и недосмотры. Фогтъ говоритъ, что въ царствованіе Василія сенатъ имѣлъ право контролировать финансы и расходы двора (стр. 9). Въ дѣйствительности же сенатъ, какъ учрежденіе оффиціально отмѣненный при Львѣ VI, въ то время фактически уже не существовалъ. По недоразумѣнію авторъ сообщаетъ, будто чинъ анѣпата давался почти исключительно военнымъ (стр. 70), въ церемоніалѣ упомянуто не мало лицъ, занимавшихъ гражданскія должности и носившихъ этотъ чинъ. На основаніи De Ceremoniis авторъ насчитываетъ десять приказовъ (стр. 95), тогда какъ въ Церемоніалѣ прямо сказано, что ихъ было двѣнадцать (De Ceremon. II, 715). Логоуетъ дрома не былъ премьеромъ (стр. 165), а соотвѣтствовалъ нашему министру иностранныхъ дѣлъ и начальнику почтъ. Въ число оемъ Фогтъ помѣщаетъ и Селевкію, замѣчая, что она не упоминается въ книгѣ De Ceremoniis и что о ней говорятъ только арабскіе писатели (стр. 181). Авторъ не обратилъ вниманія на то, что точныя свѣдѣнія объ этой оемѣ сообщаетъ Константинъ Багрянородный въ сочиненіи De Thematibus. Селевкія, говоритъ онъ, прежде не была оемой, а была только клисурой и укрѣпленнымъ пунктомъ для защиты отъ сарацынскихъ набѣговъ, царь Романъ (920—944 г.) сдѣлалъ ее оемой, управляемой стратигомъ (De Them. I, 35). Въ Церемоніалѣ разъ упоминается стратигъ Селевкіи (I. 445). Говоря о оемахъ Фогтъ собиралъ свѣдѣнія объ извѣстныхъ намъ стратигахъ, но пропустилъ упомянутыхъ у продолжателя Теофана стратига Θρακίи и Македоніи Льва Апостиппа (р. 305), стратига Эллады Иніата (р. 298), стратига Пелопонниса Іоанна Критика (р. 303). Не вѣрно (стр. 200) будто въ каждой оемѣ находился чиновникъ, принимавшій прошенія ὁ ἐπὶ δεήσεων; это былъ сановникъ, завѣдывавшій въ столицѣ прошеніями на высочайшее имя подаваемыми.

Подобныхъ недосмотровъ немного, и книга молодого французскаго ученаго заслуживаетъ полнаго одобренія.

II. Безобразовъ.

Ἑλληνικὰ κείμενα χρήσιμα τῇ ἱστορίᾳ τῆς Ῥωμανίας συλλεγόμενα καὶ ἐκδιδόμενα μετὰ προλόγου καὶ πίνακος ὀνομαστικοῦ ὑπὸ Ἀ. Παπαδοπούλου-Κεραιμέως. Ἐν Βουκουρεστίῳ. 1909 (45—+ 619 стрр.).

Въ этомъ фоліантѣ, изданномъ иждивеніемъ румынскихъ министерства просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ и академіи, неутомимый изслѣдователь и издатель византійскихъ и позднѣйшихъ греческихъ текстовъ

объединилъ постепенно накопившіеся у него, въ теченіе долгихъ лѣтъ изученія восточныхъ рукописныхъ хранилищъ, въ особенности богатѣйшаго Святогробскаго, матеріалы историческаго и литературнаго характера, относящіяся къ исторіи румынскихъ воеводствъ XVI—XIX вв.

Во вступленіи (Πρόλογος) издатель даетъ свѣдѣнія о тѣхъ рукописяхъ, которыя имъ использованы, и оцѣнку значенія вновь издаваемыхъ памятниковъ, съ нерѣдко очень подробными и исчерпывающими историко-литературными справками о томъ или другомъ авторѣ, произведенія коихъ вошли въ его собраніе. Такъ, въ самомъ началѣ, послѣ перечисленія до сихъ поръ изданныхъ сборниковъ греческихъ матеріаловъ для исторіи Румыніи (Πρόλογος, σελ. α', σημείωσις α'), для перваго памятника, дневника Александра Маврокордата, перечислены изданія и журнальныя статьи, относящіяся къ этому писателю (σημ. 2). По поводу публикуемаго похвальнаго слова валашскому воеводѣ Сербану, принадлежащаго перу извѣстнаго въ исторіи русскаго просвѣщенія Софронія Лихуда, указаны труды, посвященные дѣятельности обоихъ Лихудовъ на греческомъ и русскомъ языкахъ (σελ. ια', σημ. β'). Для «Повѣсти о томъ, что произошло со шведскимъ королемъ Карломъ (XII-мъ), пребывавшимъ въ Бендерахъ, послѣ завершения на Прутѣ мирнаго договора турокъ съ москочами», написанной ключаремъ Константина Басарабы Бранкована и его представителемъ (ἀντιπρόσωπος тур. *капоукечагаѣз*) въ Бендерахъ, цитируется (Πρόλογος, σελ. γ', σημ. α') параллельное къ этой турецкой версіи обстоятельство удаленія изъ турецкихъ предѣловъ Карла сообщеніе о томъ же греческаго писателя Александра Амира (Αμηνᾶς, по указанію П. К. 'а, старинная аристократическая фамилія, до сихъ поръ существующая въ Смирнѣ), извѣстное намъ впрочемъ не въ греческомъ его оригиналѣ, а въ итальянскомъ переводѣ, изданномъ румынскимъ ученымъ Jorga (*Storia del soggiorno di Carlo XII in Turchia scritta dal suo primo interprete Alessandro Amira. Bucarest. 1905*). Обильныя справки въ румынской и греческой литературѣ даются далѣе для двухъ значительныхъ представителей греческой образованности въ Валахіи XVII-го в. Іереміи Какавелы и Іоанна Византія Каріофилла. Оба принадлежатъ порѣ воеводства Сербана Кантакузина, который «первый ввелъ въ Валахію греческій гуманизмъ и вызвалъ быстрое развитіе здѣсь румынскаго языка и литературы подъ вліяніемъ древней греческой образованности. Онъ основалъ особое греческое учебное заведеніе, раздѣленное на два отдѣленія, философское и филологическое, знаменитое *φροντιστήριον* въ Бухарестѣ, назначивъ въ ней учителями грековъ изъ Турціи. Іеремія Какавела (Κακαβέλας) былъ однимъ изъ нихъ; онъ обладалъ знаніемъ многихъ языковъ и получилъ образованіе въ Германіи. По смерти Сербана, перешедши въ Яссы, столицу Молдавіи, онъ былъ тамъ преподавателемъ въ тамошней владычней школѣ (σελ. ια' — ιβ').

Къ литературнымъ дѣятелямъ, много послужившимъ распространенію древнегреческой образованности въ Турціи и Румыніи, во второй поло-

винѣ XVII-го в. принадлежить Севасть Киминитъ. Предисловіе новаго сборника документовъ и матеріаловъ по румынской исторіи содержитъ нѣсколько цѣнныхъ страницъ къ біографіи и литературной дѣятельности этого плодовитаго ученаго. Особенно важенъ для будущаго изслѣдователя тщательный сводъ названій его трудовъ по рукописямъ (σελλ. 12'—15'). Къ письмамъ Киминита приведены и извѣстные издателю отвѣты его корреспондентовъ), особенно святогробскаго хранилища. Этотъ списокъ, заключающій въ себѣ 107 нумеровъ, позволяетъ судить объ интересахъ и задачахъ Севаста Киминита. Облегчить знакомство съ древнегреческими поэтами должны были его парафразы. Большое мѣсто занимаютъ парафразы и толкованія къ Платону и особенно Аристотелю. Встрѣчаемъ въ списокѣ трудовъ и толкованіе грамматики Аполлонія, съ предисловіемъ (по. 11). Интересно разъясненіе Севастомъ преслѣдуемыхъ имъ задачъ распространенія широкаго знакомства съ древнею языческою и позднѣйшею богословскою литературою на греческомъ языкѣ, въ предисловіи къ его «Словесному раю или выборкамъ изъ всѣхъ словъ Вел. Василія съ словеснымъ матеріаломъ»: «Въ наши времена», пишетъ Киминитъ, «и въ нашихъ мѣстахъ, въ особенности вслѣдствіе охлажденія мірскихъ массъ (τῶν πλειόνων) къ литературѣ подъ давленіемъ извнѣ интересовъ практической дѣйствительности, сверхъ того въ виду скудости въ книгахъ и учителяхъ, важны для читателя и такіе труды» (т. е., выборки и компендіи; хотя, какъ прекрасно понимаетъ самъ Киминитъ, см. въ томъ же предисловіи, выше, при нормальныхъ условіяхъ, такого рода труды способны только отвлечь отъ самостоятельнаго знакомства съ цѣльными произведеніями древнихъ писателей, съ особымъ характеромъ каждаго писателя, его стилемъ, и проч., сел. 16'). Изъ произведеній Севаста Киминита въ настоящій сборникъ вошли семь его рѣчей, привѣтственныхъ воеводамъ и на праздники, въ отдѣлѣ 7-омъ (стрр. 211 — 247), и образчики его стихотворныхъ опытовъ (ἐπιγράμματα, ἠρωελεγεῖα), въ отдѣлѣ 17-мъ, стр. 402—408), причемъ часть ихъ посвящена типографскому дѣлу, какъ двигателю просвѣщенія. Въ томъ же отдѣлѣ (сел. 409) находимъ подобное стихотвореніе Киминиту медика Іоанна Комнина.

Слѣдуютъ далѣе, съ постоянными указаніями на уже изданныя произведенія тѣхъ же авторовъ, замѣтки издателя къ помѣщаемымъ имъ въ своемъ сборникѣ сочиненіямъ автора первой половины XVIII-го в. Іоанна Грамматика и Іосифа «раньше болгарскаго» (митрополита въ Тырновѣ, 1709 — 1755). Уже ко второй половинѣ XVIII-го в. относится Кесарій Дапонтезъ, авторъ извѣстныхъ «Дакійскихъ эфемеридъ», изданныхъ въ 80-хъ годахъ истекшаго столѣтія Леграномъ въ Парижѣ. Въ настоящій сборникъ вошли два стихотворныхъ произведенія Дапонтеса; одно, посвященное обзору храмовъ и монастырей во имя Богородицы въ Европѣ и Азій, другое исторіи ватопедской школы на Афонѣ, гдѣ шесть лѣтъ съ успѣхомъ преподавалъ Евгеній Булгарисъ.

Въ сборникъ вошли затѣмъ избранныя въ силу ихъ историческаго

интереса три слова въ честь валашскихъ воеводъ Александра Мурузы и Александра Ипсианги, изъ семи подобныхъ риторическихъ произведеній Лампра Фотіада, сохранившихся въ рукописи собственнаго собранія издателя (σελ. жѳ'), конца XVIII в.; «Списокъ оттоманскихъ царей, визирей и молдавскихъ и валашскихъ владыкъ до 1781-го г.», по рукописи, прежде принадлежавшей покойному Г. С. Дестунису; «Генеалогія фанаріотскихъ фамилій», по рукописи Еллинскаго Филологическаго Общества (Σύλλογος).

Два отдѣла сборника содержатъ 32 письма александрійскаго патріарха и блюстителя (τοποτηρητής) вселенскаго трона Мелетія Пиги. О немъ и о протосинкеллѣ Никифорѣ, къ коему адресовано первое изъ публикуемыхъ писемъ и о дальнѣйшей судьбѣ коего говорится въ 10-мъ изъ нихъ, приводятся справки въ русской (изслѣдованіе Малышевскаго), греческой и румынской литературѣ (см. Πρόλογος, σελ. λ').

На стрр. 399 — 409 помѣщены стихотворныя произведенія, а именно девять эпиграммъ Николая Марицы Левкадскаго, учителя бухарестской школы въ концѣ XVII-го и въ началѣ XVIII-го в., и двадцать девять эпиграммъ Севаста Киминита, тѣ и другія по рукописи собственнаго собранія издателя. По другой рукописи того же собранія вступленіе дополняетъ сборникъ эпиграммъ Севаста еще одной, найденной позднѣе (πρόλογος, σελ. λε'); три анонимныя эпиграммы; два надгробныя стихотворенія Іоанна Моливда Комнина (впослѣдствіи въ монашествѣ Героеея, митрополита Сиды, потомъ Дристры), по той же рукописи, откуда взяты вышеупомянутыя эпиграммы Николая Марицы и Севаста Киминита. Для литературной дѣятельности Іоанна Комнина издатель даетъ, въ своемъ вступленіи, полный списокъ извѣстныхъ ему въ изданіяхъ и рукописяхъ произведеній его (πρόλογος, σελ. λς'—λξ'; текстъ одного изъ писемъ Іоанна данъ на стр. 37—38).

Помѣщенные вслѣдъ затѣмъ, на стр. 437—449, стихи Аванасія Пателлара, бывшаго дважды вселенскимъ патріархомъ и дважды по долгу жившаго въ Молдавіи и Валахіи, любопытны въ томъ отношеніи, что снабжены парафразой на народный греческій языкъ. Написаны эти вирши, полныя реминисценцій изъ Гомера, въ 1693-емъ году и извѣстны по одной рукописи Императорской Публичной Библіотеки въ Петербургѣ, за № 198-ымъ (ея подробнѣйшее описаніе и обзоръ состава см. Πρόλογος, σελ. λη'—λθ').

Стрр. 451—457, четыре письма Досиеея, іерусалимскаго патріарха, составленныя имъ въ Молдавіи и Валахіи, въ 1677, 1693 и 1704 гг., уже извѣстны въ публикаціи Леграна (Recueil de documents grecs, Πρόλογος, σελ. λθ', σημ. δ').

Наставленія воеводы Николая Маврокордата сыну своему Константину, стрр. 458 — 462, по словамъ издателя, «достаточно свидѣтельствуютъ о мудрости Николая и объ особой его заботѣ о томъ, чтобы румынскій народъ пользовался справедливымъ и благоприятнымъ управленіемъ» (σελ. λθ'). Они помѣчены 1726-ымъ годомъ. Гораздо болѣе обширное

произведеніе въ этомъ родѣ, «Руководство, въ коемъ изрѣченія и мысли о нравахъ и политикѣ» Николая Маврокордата слѣдуетъ за «Наставленіями».

Два риторическія произведенія, связанныя между собою отношеніемъ къ одному и тому же событію (свадьбѣ), представляютъ привѣтственная рѣчь (*προσφωνήμα*) Григораски Гики, сына великаго Высокой Порты драгомана и *αὐθέντου ἐξ ἀπορρήτων* Александра Гики на свадьбу дочери послѣдняго и сестры молодого оратора Екатерины съ Димитріемъ Георгіадомъ, и дополнительное привѣтствіе (*ἀντιφώνημα*, свое намѣреніе восполнить первую рѣчь заявляетъ самъ ораторъ) учителя Николая Критія при томъ же торжествѣ (значительное число библиографическихъ справокъ объ этой еще малоизвѣстной личности даетъ издатель *Πρόλογος*, σελ. μ'—μλ', στήμ. ζ'). Церемоніальнъ коронаванія владыки (воеводы) въ Бухарестѣ, составленный въ срединѣ XVIII-го в. Георгіемъ Пападопуло, изданъ на стрр. 533—536 настоящаго сборника и заканчивается онъ надгробнымъ словомъ Анеима, діакона изъ Θερμій, воеводѣ Валахіи Григорію Гикѣ, произнесеннымъ въ присутствіи его сына и наслѣдника Матѳея, вѣроятно, тотчасъ послѣ его коронаціи (1752 г.), по автографу автора, хранящемуся въ Императорской Публичной Библиотекѣ за № 168-мъ.

Переходя отъ вступленія, которое, какъ мы видѣли, является необходимымъ пособіемъ въ использованіи вновь публикуемаго матеріала, къ самымъ текстамъ, остановимся на тѣхъ двухъ дневникахъ, которыми открывается сборникъ (о причинахъ размѣщенія записокъ Карачи въ двухъ разныхъ мѣстахъ книги см. объясненіе издателя, *Πρόλογος*, σελ. δ'). Дневникъ Александра Маврокордата въ самой литературной своей формѣ выдаетъ свое происхожденіе изъ замѣтокъ и набросковъ въ карманныхъ книжкахъ. Возможно, допускаетъ издатель, что уже по смерти автора какой нибудь писецъ или родственникъ его переписалъ ихъ въ особыя тетради, придавъ имъ такимъ образомъ видъ цѣлаго сочиненія. Надпись *Ἱστορία Ἀλεξάνδρου Μαυροκορδάτου* имѣется не въ самой рукописи (по. 129 Кп. метохія Св. Гроба), а на корешкѣ ея переплета. Записки относятся къ 1682—87 гг. и посвящены дипломатическимъ, политическимъ и военнымъ дѣламъ оттоманскаго правительства, въ особенности подробному описанію двухъ австрійскихъ походовъ, участникомъ коихъ авторъ былъ въ качествѣ драгомана. Объ этомъ свидѣтельствуетъ самая форма записей («мы пришли», «мы остановились» и проч.; иногда авторъ говоритъ и о себѣ отдѣльно, при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, то въ первомъ лицѣ, какъ стр. 8, стр. 39, подъ 3-имъ сентября 1687-го г., то въ третьемъ лицѣ, какъ стр. 18, подъ 12 апрѣля 1685 г. срв. стр. 24, подъ 29 іюля 1686 г.). Его заботу о точности своихъ записей характеризуютъ его слова на стр. 40-й, 25 сентября 1687-го г. «Какъ происходило то, что произошло въ войскѣ на пути отъ Ниссы до Константинополя, этого я не знаю, такъ какъ меня тамъ не было, очевидцемъ за это время я не былъ. Все же, какъ я слышалъ отъ многихъ, все полно смуты и без-

порядка» и проч. Отношеніе его къ порядкамъ въ Турціи, особенно въ виду полной неподготовленности въ области военнаго дѣла (въ снабженіи войска провіантомъ, въ топографическихъ съемкахъ, въ строевомъ порядкѣ, въ дисциплинѣ) отрицательное и критическое; стр. 18, о туркахъ вообще: «перебили до 500 нѣмцевъ, какъ увѣряютъ сами. Всегда они преувеличиваютъ свои успѣхи въ побѣдахъ своихъ»; стр. 19 «когда печальныя вѣсти объ этихъ неудачахъ дошли до свѣдѣнія Порты, онѣ сильно огорчили власти, не знавшія, что и дѣлать въ такой бѣдѣ; одни корили и обвиняли другихъ, въ то время какъ несчастье раскрывало и выводило на свѣтъ промахи каждаго»; стр. 23: «туземки, стоя у дверей, свободно продавали, что у нихъ имѣлось въ домахъ изъ съѣстныхъ припасовъ, — вещь на походахъ турокъ прямо поразительная!» Трусость турокъ при мельчайшей вѣсти о приближеніи сильнаго врага отмѣчается неоднократно и иллюстрируется разительными эпизодами поголовной паники. Особенно много говорится о неподготовленности путей, стоянокъ, отсутствіи провіанта, дороговизнѣ продуктовъ и т. под. Нѣкоторыя патетическія восклицанія, очевидно, передаютъ настроенія минуты, какъ они занесены были авторомъ въ его записную книжку на мѣстѣ дѣйствія. Такъ о пораженіи при Сегединѣ, подъ 10 октября 1686-го г. «Таковъ былъ походъ на Сегедиявъ, окончившійся въ три дня и бывшій причиною не малаго горя. Германцы стали съ того времени болѣе кичливыми, а наши дѣла ухудшились. Богъ, творецъ и управитель всѣмъ, да дастъ облегченіе отъ бѣдствій и положитъ конецъ нынѣшнему тяжкому положенію» (сѣл. 31). «Прибывающіе изъ столицы сказывали, что турецкіе «умники» (*σοφισταί*, здѣсь, очевидно, въ этомъ смыслѣ) — такъ ихъ вѣрнѣе называть, чѣмъ мудрыми, ибо они по истинѣ лишены ума, — возмутились противъ государя»... (сѣл. 32). Прямо сатирической тонъ звучитъ въ отзывѣ о Сулейманѣ-пашѣ сѣл. 38: «Главное обвиненіе противъ Сулеймана заключалось въ томъ, что цѣлую зиму набиралъ сипаховъ, изслѣдовалъ цвѣтъ глазъ и бороды, ростъ, наружность, возрастъ и этимъ издѣвался надъ ними, много дѣлая того, что не принято, а денегъ, имъ обычно полагававшихся, не выдавъ ни имъ, ни пѣхотѣ». Описанія сраженій отличаются подробностью, при чемъ авторъ отмѣчаетъ и построеніе войскъ. Иногда при этомъ рассказъ его приобретаетъ значительную оживленность. Такъ, въ описаніи взятія Будапешта германцами, стр. 28: «Положеніе города было прямо бѣдственно и плачевно. Деревянные части пожараемы были огнемъ и изрыгали пламя, улицы и площади залиты кровью, издали были слышны вопли матерей, плачь младенцевъ и дѣтей, разлучаемыхъ кто смертью, кто рабствомъ. Больше погибло отъ огня, чѣмъ добычею врага». Въ описаніи отступленія турокъ изъ подъ Сегедина, стр. 31, авторъ разнообразитъ свой рассказъ подробностями, вродѣ переправы черезъ Дунай верблюдовъ, «поступавшихъ такъ изъ подражанія людямъ, или стремясь къ спасенію въ предчувствіи бѣды, раздѣляемому съ ними».

Отношенія къ Россіи и русскія дѣла затронуты авторомъ въ трехъ

мѣстахъ: въ замѣткахъ, вставленныхъ между 31 мая и 1 июня 1686-го гг., стр. 22—23 «Кромѣ того, явился посолъ отъ Московіи Никита Алексѣевичъ и отъ Іоанна Самойловича, гетмана Казакіи, Іоаннъ и просили чтобы подданнымъ ихъ свободно являться къ солянымъ варницамъ, что на Черномъ морѣ, не платя никакой пошлины; и получивъ просимое и дары, въ радости удалились». Стр. 20, въ концѣ замѣтокъ за 1685-й годъ «вышли въ море и разбойничьи суда донскихъ казаковъ, хотя безъ разрѣшенія царей Московіи Іоанна и Петра». Стр. 39, подъ 2 сентября 1687 г., о побѣдѣ надъ русскими крымскаго хана.

На крайнюю неустойчивость языка автора издатель указалъ въ своемъ вступленіи. Особенно неудобно разнообразіе въ формахъ географическихъ названій. Есть, повидимому, особенности румынской фонетики: Днѣстръ Νίστρος, Драва Ῥάβας, но также Ῥάμπα и Ῥάπας (ср. βόρνικος). Чрезвычайно обилень въ его лексикѣ турецкій элементъ, причѣмъ впрочемъ, какъ бы изъ вниманія къ эллинизму, авторъ иногда прибѣгаетъ къ объясненію турецкаго термина греческимъ или замѣняетъ его греческимъ (какъ сел. 20 ἀρχιδουρώρος): сел. 18 ἔγινε προσταγή ἐκτρατείας πανδήμου ἤτο νεφεράμι, сел. 19 περὶ τὴν ἔκτην τοῦ ῥαμαζανίου ἤτοι Ισταμένου Αὐγούστου μηνός, сел. 20 ἀρχιχηπουρός (см. тур. μποσταντζήπασας), *ibid.* Ἰπραίμος ὁ τοῦ πίκλην μέλας (= тур. кара —), οἰκονόμος τῆς αὐλῆςδὲ λέγεται κεχαγιαῖς, ῥεῖς-ουλ-κιτάπι ἤτοι τοῦ βασιλικοῦ λογοθέτου, сел. 21 τὸ τοῦ σημείον τῆς μελλούσης ἐκστρατείας. Согласно λεξιλόγιον къ Ἐνδυμήσεων ἤτοι χρονικῶν σημειωμάτων συλλογή, въ Νέος Ἑλληνομνημῶν T. VII (1911), гдѣ найдемъ много тѣхъ же турецкихъ терминовъ, τούγια πτερόν; въ нашемъ текстѣ, повидимому, то же, что ниже αἱ οὐραι ἐπιχερέμεναι δόρασιν. Стр. 33 μετὰ τοῦ Μουχαμετικοῦ σημαίου, но стр. 15 κινδυνεύσαν τὸ σαντζάκι ἐν ταῖς χερσὶ τοῦ ἱμάμου. Изъ словъ романскаго происхожденія, оставляя въ сторонѣ болѣе ходячія и техническія слова, мы отмѣтили себѣ κουφέτά стр. 6, κοπέλι слуга стр. 15, καμμία ἐλπίς οὔτε σιγουρότης *ibid.*, διαφέντευσις стр. 17. Для пороха авторъ употребляетъ то слово μπαροῦτι (стр. 8, вверху), то πύριος σκόνης. Не ясно значеніе слова κράντωρ стр. 7 и стр. 39 (главный начальникъ? въ стихотвореніи стр. 402 по. 8 κράντορες, ὄρχαμοι ἢδ' ἡγεμόνες). Для «языка» въ смыслѣ военнаго термина авторъ употребляетъ слово γλωσσα стр. 11, но также λαλιά стр. 30. Характерно употребленіе общаго залога вмѣсто страдательнаго стр. 36 κηδείετο «былъ уволенъ», рядомъ съ ὀνομάσθη «былъ назначенъ», κυμαίνεσθαι «волноваться» о толпѣ народа, стр. 29, въ концѣ, и стр. 39. τολμητίας «смѣльчакъ» стр. 34.

Изъ немногихъ погрѣшностей въ печатаніи текста отмѣтимъ неправильную интерпункцію на стр. 31, гдѣ точка послѣ Καλιγγαίον должна быть уничтожена и дальнѣйшій текстъ читаться въ строку (τοῖς περὶ τὸν... ἐλθοῦσιν κτά). Та же неправильность въ раздѣленіи текста замѣчается на стр. 23-й, подъ 12 июня: ἦλθον ἀγγελίαи αἱ μὲν ἀπὸ τῆς Οὐγγρίας..... ἔτι δὲ ἀπὸ τὸν Μορέα μηνύουσαι κτά. Авторъ допускаетъ рѣзкое измѣненіе конструкціи послѣ μηνύουσαι ἀρξασθαι τοὺς Γερμανούς, но далѣе ἀπὸ μὲν

Πέστου ὁ βαρβαρικός δούξ (не τὸν βαρβ. δούξα, и далѣ τὸν Λοταρίγγον у П. К. Λοταρίγγον). Слова ἦσαν δὲ — Ἀπτή-πασα представляютъ при этомъ парэнтезу. Стр. 37 ὑπισχναῖσθαί τισι χρημάτων καὶ δόσιν ἀναγκαιῶν. Послѣ χρημάτων, повидимому, опущено πληρωμὴν или подобное слово. Стр. 37, внизу ψηφίσαντες чит. ψηφίσαντες. Стр. 36 βουλήσει κατέπιπτον чит. βολίσει, (отъ ружейной стрѣльбы), также стр. 34 внизу τοῖς βόλεσι τιτρωσκομένων едвали правильно. Стр. 5 внизу οἱ στραῖτες ἦτον δύσκολος чит. δύσκολες. Стр. 33 чит. μελετῶεν вм. μελετώοιεν. На стр. 41 безъ достаточнаго основанія измѣнено чтеніе рки. μετενεχθέν (μεταβληθῆ... τὸ κράτος μετενεχθέν «будучи перенесена»). Въ спискѣ убитыхъ стр. 43 γεγενής опечатка вм. συγγενάς.

За дневникомъ Ал. Маврокордата слѣдуютъ тексты: церемоніала приѣма въ КП. русскаго уполномоченнаго (ἐλτζής, въ вышеупомянутомъ λεξιλόγιον передано ὁ δίδων χεῖρα, βοηθός, ὑπάλληλος) Прокопія Возницына (σελ. 44—45) и договора турокъ съ русскими 1682-го года; затѣмъ «Повѣсть» о Карлѣ XII-омъ Афендулиса. Послѣ вступленія здѣсь находимъ сначала нѣкоторыя письма, относящіяся къ самому прутскому походу (въ томъ числѣ въ самомъ началѣ «письмо, посланное московскимъ царемъ Петромъ царю турокъ, дабы воспрепятствовать войнѣ, которую объявили противъ него турки, и перехваченное шведами». Желаніе Петра: καὶ τὼρα ὁ σκοπός μας αὐτός εἶναι ὅτι μὲ τρεῖς χιλιάδες ἀνδρώπους νὰ παράση, μακάρι («даже», довольно рѣдкое слово персидскаго происхожденія) καὶ ἀπὸ τὴν μέσην τοῦ φουδάτου μας), и краткое описаніе хода его, также текстъ договора русскихъ съ турками и свѣдѣнія о числѣ войска обѣихъ сторонъ, русскихъ, безъ вѣсти пропавшихъ, взятыхъ въ плѣнъ, раненыхъ. Затѣмъ уже идетъ самая повѣсть о Карлѣ. Послѣ этой повѣсти, особаго интереса не представляющей, находимъ въ сборникѣ собственноручный дневникъ Константина Карачи (σελλ. 77—158, съ восполненіемъ σελλ. 537—551), для котораго издатель могъ воспользоваться двумя рукописями Императорской Публичной бібліотеки въ Петербургѣ, №№ 201 а b, и одною святогробскою въ Константинополѣ, № 768. Самъ издатель ставитъ этотъ источникъ наравнѣ съ извѣстнымъ Дакійскимъ дневникомъ Даповтеса. Дневникъ Карачи, въ его полномъ видѣ, распространялся на періодъ свыше сорока лѣтъ. До сихъ поръ намъ извѣстна, однако, по рукописямъ лишь небольшая часть его, опубликованная теперь П. К.'омъ. Какъ видное лицо въ придворномъ штатѣ воеводъ, Константинъ становится намъ извѣстенъ съ 1769-го г., года провозглашенія воеводою Валахіи Григорія Гики. Бывъ секретаремъ его въ Бухарестѣ, онъ, можно заключить изъ одного мѣста его дневника, сел. 99, 18 декабря 1777-го г. (издатель, повидимому, опускаетъ изъ виду это прямое показаніе, когда Πρόλογος, сел. γ', внизу, говоритъ о путешествіи Карачи въ Петербургъ только какъ о предположеніи: «ἐνδεχόμενον»), переселился въ Петербургъ вмѣстѣ съ воеводою, отдавшимся въ добровольный плѣнъ русскимъ, и оставался тамъ до возвращенія Григорія въ Молдавію и провозглашенія его въ 1774-омъ году воеводою Молдавіи. Въ сентябрѣ 1777-го г. онъ былъ возведенъ

Григоріемъ въ степень великаго комиса, сообщеніемъ о чемъ начпнается его дневникъ, въ томъ видѣ, какъ онъ намъ извѣстенъ въ дошедшихъ до насъ рукописяхъ; а когда, нѣсколько позже, воевода былъ казненъ въ Яссахъ (1 октября, см. объ этомъ трагическомъ эпизодѣ въ дневникѣ Карачи сѣл. 85, а также въ замѣткѣ въ списокѣ молдавскихъ воеводъ сѣл. 339 настоящего сборника), Константинъ Карача назначается новымъ воеводою Константиномъ Мурузи, который сначала пребывалъ въ Константинополѣ, однимъ изъ блюстителей воеводства (см. дневникъ, сѣл. 90). По прибытіи же воеводы въ Бухарестъ Константинъ получаетъ назначеніе въ исправники въ Сороку въ качествѣ лица, обязаннаго черезъ шпионовъ (*κατάσκοπος. πύραρης*) слѣдить за движеніями русскихъ войскъ противъ Польши (см. дневникъ, сѣл. 97). Всѣ получаемыя новости онъ доводилъ до свѣдѣнія воеводы, а тотъ въ свою очередь обязанъ доносить обо всемъ Портѣ. Эту службу, взятую на себя Карачей, по его собственнымъ словамъ, съ неудовольствіемъ, онъ все же безропотно несъ до мая 1778-го г. Во второй же половинѣ іюля онъ возведенъ былъ въ званіе великаго спаварія и вмѣстѣ назначенъ переводчикомъ французскихъ газетъ и пріемщикомъ донесеній шпионовъ (см. 1778 г. іюля 17-го сѣл. 103 — 104). Вскорѣ послѣдовалъ бракъ Константина съ Ралицей Гикой. Возведенный 30 сентября 1790-го г. въ санъ гетмана, Константинъ посылается въ Константинополь представителемъ (*κκπουερχуγιάς*) воеводы при Высокой Портѣ. Съ тѣхъ поръ онъ оставался тамъ, а представительство его продолжалось, навѣрно, до конца воеводства Константина Мурузи.

Записки исправника Сороки представляютъ свѣдѣнія, ежедневно доставляемыя ему его шпионами изъ разныхъ городовъ, особенно «почтенными» евреями, Лейбами (сѣл. 103; мая 1-го 1778-го г.), Шлѣмами (*Σελόμ*), Борухами, иногда бѣглыми солдатами, въ такой формѣ:

16-го декабря (1777-го г.): «Узналъ отъ Шлѣмы, почтеннаго еврея жителя Цыгановки, что Степанъ Ивановичъ генералъ Ржевскій съ генераломъ Григоріемъ Алексѣвичемъ (*sic!*) Потемкинымъ были въ предшествующую войну въ Фокшанахъ и что уже онъ зимуетъ въ Линицѣ, селеніи, отстоящемъ 24 часа пути отъ Сороки. А подъ своей командой имѣетъ 12 полковъ (*πόλκους ἤτοι: ῥεγμέντα*) пѣхоты, которые разселены по мѣстечкамъ и селеніямъ чинута Брацлавскаго, и стоятъ тамъ на зимнихъ квартирахъ, и отписалъ я объ этомъ его высочеству» (т. е., воеводѣ). «17-го того же мѣсяца прибыли изъ Кіева монахи Антоній и Иларіонъ въ собственной кибиткѣ и на своихъ лошадяхъ, и съ другимъ еще (монахомъ) Филаретомъ, который жилъ въ валапскомъ монастырѣ Кальдарусани (*Καλδάρουσανί*); продержавъ ихъ два мѣсяца, я выдалъ имъ свободный пропускъ (*ῥαβάσι τῆς στρατίας*) и направилъ ихъ въ Яссы, предупѣдивъ его высочество». Подъ 18-мъ числомъ сообщается объ отправкѣ въ Польшу шпиономъ прибывшаго изъ Яссъ стараго знакомаго Карачи Костаки Политима, когда то жившаго въ плѣну въ Петербургѣ вмѣстѣ

съ воеводой Григоріемъ и авторомъ дневника. Онъ возвращается 24 января новаго 1778-го года пзъ Немирова «съ послѣдними новостями». Далѣе разсказывается о томъ, какъ этотъ шпионъ, притворившійся дезертиромъ, вкрался въ довѣріе генерала князя Шаховскаго, какъ онъ «переводилъ» для русскихъ получаемыя съ границы письма, писанныя по румынски, какъ уже поздно, когда онъ уже успѣлъ перебраться за Днѣстръ, прискакалъ жандармъ, коему велѣно было арестовать мнимаго дезертира. «Свѣдѣнія, которыя принесло упомянутое лицо», заканчиваетъ Карача это свое повѣствованіе, «я послалъ къ его высочеству, записавъ ихъ въ особомъ донесеніи. Полагаю, недовѣрчивый и скрытный (μυστικός) русскій народъ никогда до такой степени не поддался на шпионство со стороны другихъ. Поэтому немедленно разосланы были строжайшіе приказы по всѣмъ губернаторамъ по границѣ Днѣстра, которые могли его перехватить, чтобы арестовали его какъ явнаго шпиона, и если бы они его захватили, ссылка въ Сибирь была бы для него еще легкимъ наказаніемъ». Подъ 25 января 1778-го г. дневникъ сообщаетъ о прибытіи изъ Кіева Фотакиса, лейбъ-медика покойнаго воеводы Григорія. Его оклеветали въ содѣйствіи захвату послѣдняго тѣмъ турецкимъ начальникомъ, который сталъ виновникомъ его убійства. По этой клеветѣ Фотакисъ былъ подвергнутъ въ Кіевѣ тюремному заключенію и претерпѣлъ такія мученія, что чуть не сошелъ съ ума. Подъ 27 января авторъ разсказываетъ о своемъ посѣщеніи Могилева и номѣстья графа Ягужинскаго (Ζησεζουδίντζεε) Волчинца, гдѣ бываетъ ярмарка, съ цѣлью повидаться съ владѣльцемъ. Но такъ какъ тотъ уѣхалъ въ Варшаву, Карача удовольствовался визитомъ къ графинѣ, послѣ чего вернулся въ Сороку.

Въ мартѣ 1778-го г. Карачѣ приходится встрѣчать назначеннаго комендантомъ Могилева въ Сорокѣ албанца Охрали Ахметъ-пашу съ его отрядомъ албанцевъ. Паша, прославившійся обороною Варны противъ генерала Каменскаго, въ то самое время когда фельдмаршалъ графъ Румянцевъ своею побѣдою заставилъ турокъ заключить Кайнарджійскій миръ, оказался начальникомъ очень строгимъ. Карача разсказываетъ о ярмаркѣ (το γιχαρχόκι σελ. 102—παληγυριε σελ. 101) на могилевскомъ базарѣ, гдѣ мѣстное сельское населеніе безпрепятственно продавало албанцамъ свои продукты, не боясь насилій, благодаря присутствію паши.

Если турки пользуются шпионами, то и русскіе имѣютъ своихъ подкупленныхъ людей въ турецкихъ предѣлахъ. Таковъ Сулейманъ-эфенди въ Хотинѣ, о которомъ Карача сообщаетъ, что «вѣсти, какія онъ давалъ, были таковы, какія стали бы распространять у насъ русскіе» (σελ. 103).

Это послѣднее сообщеніе Карачи въ качествѣ исправника въ Сорокѣ. Вернувшись въ Яссы, онъ, какъ сказано, былъ возведенъ въ санъ спарія и получилъ порученіе завѣдывать переводами французскихъ газетъ, чтобы «извлекать изъ нихъ болѣе существенныя свѣдѣнія для доклада владыкамъ многія имъ лѣта». Переводы Карачи на румынскій (τὸ Ῥουμ.α-

ἰκόv или новогреческій?) затѣмъ переводились на турецкій его племянникомъ, придворнымъ переводчикомъ при султанѣ, Георгіемъ Карачей для доклада султану. Любопытно, что, какъ нѣчто примѣчательное, нашъ сановникъ записываетъ въ дневникъ: «28-го того же мѣсяца (юля) отпустилъ я бороду, по приказанію его Высочества». Въ августѣ того же года открытъ былъ заговоръ на воеводу и виновные примѣрно наказаны. Не безынтересны подробности объ операціи рака у автора дневника, заносимыя имъ подъ 14 ноября того же года, при чемъ онъ выказалъ поразившую врачей стойкость въ перенесеніи боли. Подъ 3-имъ марта 1779-го г. заносится въ дневникъ ратификація Кайнарджійскаго мирнаго договора между Турціей и Россіей, отпразднованная въ Яссахъ 22-го марта. Въ августѣ 1779-го г. Карача увольняется воеводою изъ спа-варіевъ, но за нимъ остается завѣдываніе переводами газетъ для перевода ихъ потомъ на турецкій и регулярной отсылки этихъ извлеченій изъ газетъ султану. Кромѣ того, ему поручено чтеніе поступающихъ съ границы записокъ съ сообщеніями тамошнихъ освѣдомителей (μειουρίδων σελ. 106 πβ. ἀποπληρώσας μειουρήτιά μου Карача о себѣ σελ. 103 πβ. σελ. 118) и доклады сообщеній лицъ, посылаемыхъ въ Польшу. Подъ апрѣлемъ 1780 г. Карача подробно описываетъ свое житье съ молодою женою и мирныя дачныя занятія (вплоть до варки варенья «изъ дивныхъ молдавскихъ розъ») на мызѣ (μωσία), гдѣ онъ справлялъ свой медовый мѣсяцъ. Говоритъ онъ и о своемъ знакомствѣ съ игуменомъ монастыря въ Нямцѣ Паисіемъ, которому, по просьбѣ Карачи, отецъ его посылаетъ собственноручно приготовленный списокъ съ древней рукописи сочиненія нѣкоего аскета о монашеской жизни, и о своемъ паломничествѣ въ знаменитый этотъ монастырь (см. стихотвореніе Кесарія Дапонтеса о монастыряхъ и церквахъ имени Богородицы въ этомъ сборникѣ σελ. 280 γ') для поклоненія тамошней древней иконѣ Богородицы, которую онъ описываетъ: «она одна изъ тѣхъ, какія имѣли римскіе цари въ Константинополѣ и, вѣшая ихъ на дровки на манеръ знаменъ, обходили стѣны Константинополя, совершая молебствія» (σελ. 109). Описывая свиданіе свое съ Паисіемъ, Карача набрасываетъ краткую его біографію (родомъ малороссъ) и говоритъ о порядкахъ въ монастырѣ.

30-го сентября 1780-го г. послѣдовало возведеніе Карачи въ санъ гетмана и назначеніе его воеводою своимъ замѣстителемъ (κλπουκεχαγαῖς) въ Константинополь. Слѣдуетъ описаніе путешествія въ Константинополь, съ подробнымъ маршрутомъ. Столичная жизнь вызываетъ въ дневникѣ новые сюжеты: достопамятные эпизоды, инциденты, придворныя церемоніи, вообще придворная жизнь. Но продолжается интересъ и къ событіямъ на театрѣ войны, при чемъ Карача былъ близокъ къ официальному турецкому источнику и даетъ свои сообщенія въ духѣ этого источника, хотя возможно пользованіе рядомъ съ этимъ иностранной прессой по той спеціальной обязанности, какая лежала на авторѣ дневника. Интересуютъ автора и церковныя дѣла (σελ. 120 κτλ.). Подъ 24-ымъ

сентября 1789-го г. упоминается освобожденіе изъ семибашеннаго замка русскаго посла Булгакова и посадкѣ его на рагузскій корабль (сѣл. 117).

Продолженіе дневника съ 1789-го г. декабря, вслѣдствіе потери, потомъ нахожденія издателемъ тетрадей съ записями, помѣщено уже въ концѣ сборника, сѣл. 539—551.

Подъ 2-ымъ декабря 1789-го г. упомянуто о доставленіи въ столицу головы Текфуръ-паши, бывшаго комендантомъ Аккермана во время взятія его русскими. Не рекомендуетъ Карачу, что актъ справедливости русскаго военачальника, — предоставленіе жителямъ свободнаго выѣзда со всѣмъ имуществомъ или права продать его побѣдителямъ, онъ комментируетъ словами: «говорятъ, эта милость стоила русскимъ 300000 грошей. — Новый способъ для претензій ихъ, дабы имъ послѣ выставятъ на видъ, что они не только властители силою оружія, но и куплею!» Подъ 13-ымъ числомъ упоминается о переговорахъ турецкихъ уполномоченныхъ съ Потемкинымъ, находившимся около Бендеръ, о перемиріи (ниже упоминается, подъ 20-ымъ числомъ, о противодѣйствіи Измаиль-паши, въ бытность его комендантомъ Бендеръ, сдачѣ ихъ Потемкину). Объ осадѣ и сдачѣ Бендеръ фельдмаршалу Потемкину кратко сообщается въ замѣткѣ 16 января 1790-го г. (сѣл. 542). Подъ 23-имъ числомъ февраля Карача приводитъ условія проектируемаго мирнаго договора. По этому проекту съ турецкой стороны, «русскіе должны вернуть Бендеры, срыть Азовъ, вернуть Аккерманъ и Молдавію, однимъ словомъ, отдать все, что взяли войною и оставить за собою Крымъ, который взяли раньше безъ войны. Сверхъ того, они должны умѣрить и нѣкоторыя статьи Кайнарджійскаго договора». Перечисляются по пунктамъ и совсѣмъ противоположныя тому требованія Потемкина. «Прибавляютъ, что князь Потемкинъ выставилъ восьмымъ пунктомъ, что, не смотря на расходы въ 20 милліоновъ, какіе доставила Порта Россіи своею войною, послѣдняя въ состояніи продолжать войну еще столько времени, сколько заблагоразсудится его высочеству, въ случаѣ, если предложенныя условія не будутъ приняты. Онъ также рѣшительно заявилъ, что если онъ предпочтетъ войну, не приходится уже рассчитывать на то, чтобы были возвращены тѣ мѣста, какими еще въ дальнѣйшемъ можетъ овладѣть Россія». Въ виду этого переговоры возобновлены въ Яссахъ (сѣл. 545). Подъ 3-имъ марта 1790-го г. Карача подробно излагаетъ условія прусско-турецкаго договора, подготовлявшася переговорами съ прусскимъ уполномоченнымъ, не разъ отмѣченными на предшествующихъ страницахъ дневника. Турки продолжаютъ настаивать на своихъ условіяхъ договора съ русскими, между тѣмъ посланный изъ Варшавы отъ короля графъ Потоцкій принужденъ ѣхать въ Константинополь черезъ Венецію, т. к. русскія войска находятся въ Молдавіи и граница всюду заперта (7-ое марта 1790-го г., сѣл. 547). Подробно описанъ приемъ Потоцкаго, роскошь его костюма (сѣл. 548).

Остальная часть дневника, дошедшая до насъ, за 1808—1811 г.,

σελλ. 119—158, содержитъ много подробностей о военныхъ дѣйствіяхъ русскихъ. Событія изъ жизни столицы, заносимыя въ дневникъ, зачастую изложены съ излишнею подробностью, несоотвѣтственно ихъ значенію, какъ, напримѣръ, длиннѣйшая исторія уличенія въ святотатствѣ Харалампія, принадлежащаго къ причту церкви св. Димитрія, σελλ. 141—146, или эпизодъ убійства Алеко, сына постельника валацкаго воеводы, Христодула Влахучи σελλ. 147—149. Очевидно, мы имѣемъ дѣло со скоро преходящими интересами дня. Встрѣчаемъ очеркъ безкорыстной благотворительной дѣятельности на пользу управляемыхъ имъ епархій митрополита Кизика Макарія, который дѣлаетъ авторъ дневника при сообщеніи о смерти его, подъ 12 іюля 1811-го г. (σελλ. 151 ἐπ.). Особенно восхваляется владыка Макарій за уничтоженіе крупнаго долга, тяготѣвшаго на епархіи, при чемъ крупное пожертвованіе сдѣлалъ авторъ дневника. Интересно, что Макарій пріобрѣтаетъ новую епархію путемъ уплаты своему предшественнику 25000 грошей сверхъ уступки своей прежней епархіи, Патръ, его архидіакону.

Трудъ Аѳанасія Иисиланти Комнина, 12-ая и послѣдняя книга его «Церковныхъ и политическихъ дѣлъ» (или «дѣятелей»), печатаемая, по соображеніямъ, изложеннымъ на стр. 5-ой слѣд. вступленія, въ извлеченіяхъ, опубликованъ издателемъ по рукописи Богородицкаго монастыря на о-вѣ Халки. Это своего рода біографическій словарь достопамятныхъ людей, далеко не ограничивающійся предѣлами Румыніи и, кромѣ дѣятелей въ области гражданской и церковной жизни, отмѣчающій и дѣятелей въ области литературы и искусства. На немногихъ страницахъ словаря, опубликованныхъ въ настоящемъ сборникѣ, находимъ и артикли, относящіеся къ русской исторіи, какъ Ίερειμίας, σελλ. 161—162, Богданъ Хмѣльницкій (Καμυλιάνης, σελλ. 162). Въ артиклѣ о Матѳеѣ, патріархѣ александрійскомъ, сообщается о полученіи имъ въ 1750-омъ г. письма «Іисуса, царя Эѳіопія, нынѣ именуемой Абиссиніей (Χαμπεσίχς) и матери его Марѳы, съ сообщеніемъ, что онъ побѣдилъ войною иноплеменнаго царя, своего сосѣда, и что онъ имѣетъ намѣреніе идти войною на Іерусалимъ и подчинить его и взять Св. Гробъ (къ этимъ мечтаніямъ абиссинскаго негуса срв. добавленія къ Τὰ μετὰ τὴν ἄλωσιν того же Аѳанасія Иисиланти, опубликованныя въ настоящемъ сборникѣ, σελλ. 518, гдѣ подъ 1645-омъ годомъ читаемъ, что абиссинцы, единовѣрные коптамъ, что живутъ въ Египтѣ, имѣли въ своемъ владѣніи часть Св. Гроба въ восточной части, именуемой Авраамовою, и въ вел. церкви Св. Гроба камары въ южной части Св. Кувуклія, и дальнѣйшая судьба этихъ абиссинскихъ владѣній у Св. Гроба описывается со многими подробностями) и просилъ, чтобы послалъ ему (патріархъ) достойнаго наставника (въ вѣрѣ), если возможно архіерея, дабы онъ обучилъ его православію восточной церкви, и книги Акты соборовъ. Поэтому владыка Матѳеѣ послалъ къ нему іеромонаха Стефана родомъ съ о. Сифна и медика (ιατροφιλόσοφος) Сисинія Мораита и пять юношей, отправивъ и

малое серебряное четверо-евангеліе и четки изъ крупнаго чистаго янтаря. Они прибыли и встрѣтили хорошій пріемъ отъ царя, но когда немного спустя послѣдній умеръ, преемникъ сынъ его оказался не похожъ на отца; и Сисиній умеръ, а Стефанъ посланъ былъ однимъ начальникомъ въ одно селеніе и тамъ основалъ школу». Выписываемъ все это мѣсто (σελ. 185), т. к. тожественный текстъ былъ привлеченъ недавно К. В. Харламповичемъ, въ его статьѣ Ж. М. Н. Прос. 1910 г. Далѣе говорится о возстановленіи патріархомъ церквей, больницъ и страннопріимницъ въ разныхъ городахъ Египта, посылкѣ имъ духовныхъ лицъ въ Триполисъ, Τζεζιφι, Тунисъ, и «чтобы тамошніе христіане, рабы ли или купцы, слушали св. литургію». Нуждаясь въ средствахъ, «онъ послалъ къ императрицѣ Московіи Елизаветѣ Петровнѣ архимандрита своего Мелетія, испрашивая письмомъ своимъ ежегоднаго вспомошествованія тремъ церквамъ, дарованнаго царемъ московскимъ Алексѣемъ Михайловичемъ, дѣдомъ Елизаветы, а именно патріархіи въ Каирѣ, св. Георгія въ Древнемъ Египтѣ и патріархіи въ Александріи св. Саввы. Прошло уже 30 лѣтъ, какъ не платили этого вспомошествованія, и накопилась сумма въ 20 *πρωγυβία*. Елизавета въ щедротѣ своей уплатила и ихъ, и послала въ даръ патріарху 5000 грошей и архимандриту (Мелетію) подарила 1000 грошей (срв. еще къ этому о подобныхъ же щедротахъ восточнымъ церквамъ Іоанна и Петра Алексѣевичей въ артиклѣ Γαζρηλ ὁ Χαλκηδόνος σελ. 186).

Самая исторія молдавскихъ и валашскихъ воеводствъ въ XVII—XVIII вв., къ коимъ относится данная книга труда Аѳанасія, постоянно связана съ отношеніями къ Россіи, какъ это видно и въ его артикляхъ, посвященныхъ тому или другому лицу или цѣлой фамиліи, представители коей сидѣли на воеводствѣ въ Молдавіи или въ Валахіи. Большое вниманіе оказываетъ Аѳанасій научнымъ занятіямъ и ученой каррьерѣ тѣхъ лицъ, біографіи коихъ даетъ онъ въ своемъ трудѣ. Отмѣтимъ въ этомъ отношеніи артиклъ Σαρλᾶτος ὁ Σειτζής, на неудачномъ бракѣ дочери коего авторъ останавливается подробно (Роксандра, пораженная оспой, обманомъ выдана была за воеводу Валахіи Матѳея Басарабу, но была послѣднимъ отвергнута). На ней женился Пантелисъ Маврокордатъ съ Хіоса. Сынъ его Александръ получилъ образованіе въ Падуѣ. Отправившись туда 12 лѣтъ, онъ вернулся въ Константинополь черезъ 14 лѣтъ лавреатомъ (δραφνηφορήσας) въ философίи и медицинѣ, и здѣсь сталъ преподавать эти науки въ патріаршей школѣ. Достигши званія драгомана Высокой Порты, онъ потомъ по стеченію обстоятельствъ попадаетъ въ тюрьму и здѣсь пишетъ свои *Ἰουδχιχά*. Потомъ онъ былъ посломъ въ Вѣнѣ, а по возвращеніи въ Константинополь «удостоенъ былъ сана воеводы Валахіи или, по другимъ, Молдавіи». Александръ умеръ въ 1709-омъ г. въ Константинополѣ. Сынъ его Николай сталъ воеводой Молдавіи, а потомъ и Валахіи. Сынъ Николая Іоаннъ былъ въ 1743-емъ г. воеводой, но потомъ смѣщенъ и умеръ въ нуждѣ и безчестіи

въ 1765-омъ году. Константинъ по смерти отца былъ возведенъ въ воеводы Валахїи, и девять разъ смѣщаемъ и снова вступалъ на воеводство то Валахїи то Молдавіи (срв. въ спискѣ воеводъ въ этомъ сборникѣ, сел. 336, 338). Аѳанасій Ипсиланти описываетъ далѣе характеръ Александра Мавракордата и сообщаетъ о случаѣ убійства имъ въ порывѣ раздраженія подесты въ Падуѣ и о бѣгствѣ его послѣ того въ Неаполь. Здѣсь, будучи въ услуженіи у одного знатнаго лица конюхомъ, писалъ онъ на досугѣ по латыни свое сочиненіе о кровообращеніи (*αἵματος* читаетъ издатель, въ рукописи стоитъ *αἰῶνος*, тогда это будетъ скорѣе философскій трудъ). Этими занятіями онъ выдалъ себя, но нашелъ помощь у своего хозяина, который далъ ему средство бѣжать. Изъ его сочиненій Аѳанасій называетъ, кромѣ упомянутаго выше *Ἰουδαϊκῆ*, грамматику подъ титуломъ *τοῦ ἐξ ἀπορρήτων* (такъ переводилъ Александръ турецкое названіе своей должности *μαχρέμι ἐσράρ* см. сел. 182), *χρηστοῦθειαι*, письма и кое-что другое. Сынъ его воевода Николай написалъ сочиненіе «О долгахъ» (*περὶ καθήκόντων*), хотя, по словамъ Аѳанасія, нѣкоторые считаютъ то же сочиненіе за произведеніе митрополита Дристры. Сохранились, говоритъ Аѳанасій, и многія письма Николая (сел. 182—183). Подъ заголовкомъ *Νικόλαος Μαυροκόρδατος* того же словаря названы еще другія сочиненія его: «Диалогъ о жизни и смерти», «Слово противъ табака».

Подобнымъ образомъ слѣдитъ Аѳанасій по поколѣніямъ исторію и другихъ воеводскихъ фамилій, какъ Ипсиланти, Кантеміровъ, знатной фамиліи Суца (*Σουτζος*, родоначальникъ торговецъ молокомъ *γυλακτοπώλης*, тур. *сoutçης*, Константинъ Дракосъ), одинъ изъ членовъ коей былъ тоже воеводой Валахїи, и проч. Воеводство въ Молдавіи (пятикратное) Дуки Румелиота прославлено основаніемъ въ Яссахъ первой типографіи (сел. 175). Была напечатана на собственный счетъ воеводы книга іерусалимскаго патріарха Досіея «Симеонъ Солунскій» и книга патріарха Нектарія. Неоднократно отмѣчаетъ Аѳанасій Ипсиланти имена учителей (*Γακουμῆ*, Джіакомо, какъ сел. 183. 187. 192, надо читать и въ концѣ сел. 186, гдѣ у П. К. *Ἰακωβογακουμῆ κοινότερον λεγόμενου*, чит. *Ἰακώβου*, *Γακουμῆ κοιν. λεγ.*) и профессоровъ въ школахъ Касторіи (сел. 187), Бухареста, Константинополя и друг. Вообще сочиненіе Ипсиланти отличается богатствомъ и разнообразіемъ матеріала. Къ его *τὰ μετὰ τὴν ἄλωσιν*, уже извѣстнымъ въ печати тремъ книгамъ *Ἐκκλησιαστικῶν καὶ πολιτικῶν* (изд. Германа Аѳонида синайскаго, КП. 1870), издатель настоящаго сборника даетъ добавленія на стрр. 515—531.

«Общая радость» — похвальное слово воеводѣ Валахїи Сербану (Кантакузину), «смирненно посвященное» племяннику его Константину Бранковану спаарію, Софронія Лихуда, селл. 195—198, отличается чрезвычайно цвѣтистымъ и напыщеннымъ слогомъ. Сравнивая прибытіе воеводы съ солнцемъ, восходъ коего оживляетъ все въ природѣ, Софроній представляетъ его украшеннымъ каждою изъ планетъ ихъ дарами (астрологія

срв. сελ. 197 *καμία αστρολογία να προειπῆ τὰ ἀξιόματά σου* срв. и въ дневникѣ Александра Маврокордата указаніе на *ἀστρολογικὰ ἐγχειρίδια ἐν σχήματι καλενταρίου* сελ. 25). Характерно мѣсто сελ. 196: «Не былъ ты едиnorodнымъ, дабы свѣтился столь блестящій свѣтъ среди преславныхъ братьевъ твоихъ, какъ среди своихъ блестяль свѣтъ Іосифа, Гектора, Геракла; не былъ ты первороднымъ, дабы не показалось, что ты получилъ настоящій сіятельнѣйшій скипетръ по этой причинѣ, а не за добродѣтели, привлекательность и достоинства, пока прошелъ ты ихъ всѣ постепенно съ честью и славой; не былъ ты вторымъ по рожденію, но родился послѣ, при плодovitости твоей матери, чтобы она подражала свойству деревьевъ, которыя сначала пускаютъ цвѣты, потомъ листья, наконецъ плоды, или сходствовала съ небесными сферами, которыя сперва высылаютъ свѣтлую звѣзду Афродиты, потомъ розоватопламенный востокъ и послѣ того свѣтоносную въ пламенномъ сіяніи великую планету солнца».

Іереміи Какавелы «Слово о суетѣ (мірской), на безвременную кончину благочестивѣйшей, сіятельнѣйшей владычицы госпожи Смарагды, дочери воеводы Валахіи Іоанна Сербана Кантакузина». Послѣ обычныхъ мыслей о тщетѣ всего земного, съ примѣромъ гробницы Семирамиды, съ цитатами изъ Соломона, авторъ переходитъ къ плачу о Смарагдѣ, умершей въ цвѣтѣ юности, 16 лѣтъ, послѣ того какъ уже состоялся бракъ ея съ Григоріемъ Баліаномъ въ присутствіи вселенскаго патріарха Діонисія. Плачь влагается въ уста родителей и особенно молодого вдовца. «Къ гробу, къ гробу призываю тебя, человѣче», заканчиваетъ свое краткое слово риторъ, «дабы ты угадалъ, увидалъ достойный слезъ конецъ твоей гордости. Здѣсь кончаются слава, роскошь, богатства, цѣлья владычества міра. Вотъ молотъ, чтò разбиваетъ троны и скипетры царей. Могила — скала, о которую въ мелкую пѣну разлетается то, что намъ, на землѣ, представляется великимъ и дивнымъ. Эй! что отвращаешь очи назадъ? что бѣжишь отъ смрада? Наклонись, прошу, взгляни, разгляди; быть можетъ, и въ этой темной ямѣ отличишь царя отъ пастуха, философа отъ простеца, красавца отъ урода, бѣдняка отъ богача» и т. дал. «Нѣтъ, нѣтъ, все одинаково, все равно, черно, темно, заткано паутиной» (срв. обычно затканныя паутиной чертоги Хароса въ народной средне-вѣковой и новой греческой поэзіи).

«Данное воеводѣ Сербану Кантакузину толкованіе двухголоваго зайца, объявившагося во Влахіи». Толкователь берется доказать, что чудо это предвѣщаетъ не что иное, какъ судьбу царства нечестивыхъ агарянъ. Трусость турокъ, проявившаяся съ Вѣнскаго похода (срв. дневникъ Александра Маврокордата) и до сихъ поръ, — трусость зайца; восемь ногъ означаетъ быстрое бѣгство и низверженіе, двѣ головы братьевъ, султана Махмета и султана Сулеймана. Толкованіе того же чуда Іоанна Византія, сελл. 206—207, примѣняетъ, напротивъ, беззащитность зайца, не имѣющаго ни въ чемъ спасенія, кромѣ бѣгства, къ Валахіи, которая

противъ венгровъ, татаръ и агарянъ не имѣла иного спасенія, кромѣ бѣгства послѣ слабой обороны, хотя въ прежнія времена совершала и она подвиги, одерживала многія замѣчательныя побѣды надъ врагами; тогда область была еще полна туземнымъ населеніемъ (такъ и Аванасій Ипсиланти, σελ. 176, при Константинѣ Басарабѣ Бранкованѣ считаетъ въ Валахіи 70000, а теперь, по его словамъ, едва наберется 70000. Іоаннъ, слѣдов., отмѣчаетъ значительную убыль населенія еще и своего времени сравнительно съ болѣе давнимъ).

Слова Севаста Киминита въ честь воеводъ Сербана Кантакузина и Константина Басарабы, Περρμυθητικός, «На Рождество Христово», «На обрѣзаніе Христа» являются образчиками ораторскаго искусства этого плодovitаго автора и ревностнаго насадителя древнегреческаго просвѣщенія XVII-го в. Въ словѣ въ честь Сербана собственно похвалѣ предпослано длинное вступленіе о значеніи человѣка среди божьихъ тварей и его предпочтительномъ мѣстѣ среди нихъ, о разнообразіи человѣческихъ характеровъ. Отсюда переходъ къ трудности управленія людьми и достоинствамъ необходимымъ для воеводы. Этому идеалу отвѣчаетъ и нынѣшній воевода. Какъ Іосифъ, какъ Іовъ изъ испытаній и бѣдствій, такъ и воевода Сербанъ не тотчасъ достигъ трона, а постепенно, отъ удачи къ удачѣ, отъ менѣе значительнаго положенія къ высшему. Богъ хотѣлъ путемъ многихъ бѣдствій и страданій сдѣлать всѣмъ очевиднымъ, что не только въ счастья сіяютъ добродѣтельныя дѣла и подвиги, но что и въ несчастья остается то же благорасположеніе и повиновеніе владыкѣ. Второе слово въ честь того же воеводы, по поводу его возвращенія въ Бухарестъ изъ похода, начинается восхваленіемъ разсудительности и занимается опредѣленіемъ этого понятія и восхваляетъ воеводу какъ правителя, ею обладающаго, причемъ ораторъ говоритъ объ основаніи имъ учебнаго заведенія (φροντιστήριον, срв. выше). Введеніемъ слова въ честь воеводы Константина Басарабы служить разсужденіе о предопредѣленіи Богомъ властей свѣтскихъ и церковныхъ. Воевода принялъ власть свою, не смотря на свое личное нерасположеніе къ тому. «Но вступивъ на воеводскую эту колесницу, какъ бы съ высочайшаго наблюдательнаго этого поста, обозрѣвъ пронипательными очами разума все подчиненное государство и признавъ, что самое главное и спасительное дѣло, въ руководствѣ и попеченіи надъ стадомъ разумнымъ, состоитъ не въ стараніи о тѣлесномъ, земномъ, преходящемъ, развѣ только въ той степени, поскольку это полезно для врачеванія души, но что самое приличное воеводѣ и попечителю дѣло забота и предусмотрѣніе о внутреннемъ, душевномъ человѣкѣ, по всему этому воевода нужды матеріальныя своего народа обезпечиваетъ какъ бы лѣвою рукою, а какъ бы правою (т. е., съ еще большею заботливостью и предусмотрительностью) берется обѣими руками (риторъ не замѣчаетъ противорѣчія этого послѣдняго выраженія съ употребленнымъ имъ сравненіемъ «какъ бы правою рукою», «какъ бы лѣвою рукою») за духовныя дѣла» (т. е., дѣла просвѣщенія (σελ. 219). И

здѣсь ораторъ говоритъ объ отстройкѣ церквей и монастырей, о переводѣ церковныхъ книгъ съ греческаго на мѣстный, о *φροντιστήριον* въ Бухарестѣ (объ этомъ словами очень сходными со словомъ въ честь воеводы Сербана). Онъ восхваляетъ въ концѣ значеніе образованія.

Второе похвальное слово Севаста Кимпнита воеводѣ Константину Басарабѣ имѣетъ темою мудрость, дочь страха Божія, и познаніе (*σοφία καὶ γνῶσις*). Такую обрѣтаетъ ораторъ у воеводы. Вотъ почему Богъ и возвелъ его на тронъ въ такія времена, «въ такую тяжкую и ужаснѣйшую бурю этого мысленнаго житейскаго моря, дабы онъ распространилъ, подобно сіяющему солнцу, по всеѣмъ предѣламъ міра, теплѣйшіе, животворнѣйшіе и ярчайшіе лучи свои и милости, на великое изумленіе видящихъ и слушающихъ» (сѣл. 222). Въ вѣрѣ своей воевода напоминаетъ Авраама, въ воздержности и нравственной чистотѣ Иосифа, въ любви къ ближнему Моисея и апостола Павла, въ терпѣніи Иова. Только въ тяжелыхъ испытаніяхъ познается опытный правитель, «храбрые увѣнчиваются не во время мира и тишины, въ отсутствіи опасностей, войскъ, какого л. отважнаго подвига, но увѣнчиваются они тогда, когда они врываются въ войско враговъ какъ яростные и голодные львы, быстрые какъ коршуны, страшные какъ драконы, трепетные какъ молніи, когда они рубятъ ихъ направо и налево, проливаютъ кровь враговъ ручьями, жнутъ ихъ, какъ жнецы жнутъ колосья, и въ концѣ концовъ обращаютъ ихъ въ бѣгство и выходятъ мужественными побѣдителями» (сѣл. 224). Такъ и святыхъ подвижниковъ чтутъ и будутъ чтить до конца міра, поклоняясь мощамъ ихъ, храмы воздвигая, за ихъ твердость, выносливость, ревность о Богѣ и несравненную любовь къ правой вѣрѣ. Все эти добродѣтели ораторъ находитъ у воеводы. И болѣе всего поразительно, что такое правленіе настало въ такое время шаткости и колебанія, и возстанія враговъ, и тягчайшихъ походовъ, и многообразныхъ опасностей, что «среди такихъ несносныхъ бурь и тревоженій нынѣшней неустойчивости міра бѣжитъ этотъ мысленный корабль такъ увѣренно, такъ безмятежно, какъ если бы онъ плылъ въ водахъ спокойныхъ и тихихъ». Слѣдуетъ опять восхваленіе мудрости и разумѣнія въ ихъ значеніи и въ семейной, домашней жизни, и въ жизни правителей духовныхъ и свѣтскихъ. Вотъ эту то мудрость, разумѣніе и успѣхъ литературы, черезъ посредство коихъ разумные и образованные люди достигаютъ практическихъ добродѣтелей и устройства и вообще евангельской жизни личной и общественной, установила, по Божьему изволенію, боговдохновенная и Богомъ направляемая разсудительность въ этомъ славномъ и богоспасаемомъ государствѣ и воеводствѣ... И все эти блага исходятъ отъ той добропорядочности, какую, милостію Божіею, имѣете Вы въ душѣ и сердцѣ, какъ начало и источникъ божественной мудрости, которая руководитъ Вами во всеѣхъ добрыхъ и благоугодныхъ успѣхахъ» (и здѣсь ораторъ впадаетъ въ тавтологію). Слѣдуетъ напоминаніе и наставленіе о главныхъ заповѣдяхъ Христовыхъ (любви къ Богу, ближ-

нему) и объ обязанностяхъ, отсюда вытекающихъ для государя по отношенію къ подданнымъ. Наконецъ проповѣдникъ возсылаетъ молебны къ Богу за воеводу, его супругу Марію и его родныхъ.

«Хвалебное слово, излагающее скорѣе въ историческомъ родѣ (ιστορικώτερον διὰ λόγου βίβλιν) славную жизнь высочайшаго и мудрѣйшаго владыки и воеводы всей Унговлахіи г-на Іоанна (о постоянномъ граепомеи Іоаннѣ для воеводъ см. замѣтку на полѣ къ тексту сел. 364 настоящаго сборника) Николая, сына Александра воеводы, составленное нижайшимъ Іоанномъ, грамматикомъ и великимъ приммикиріемъ патріаршей Великой Церкви каеедры», селл. 251—261. Послѣ длиннаго и многорѣчиваго вступленія, распространяющагося въ чрезмѣрныхъ выраженіяхъ на счетъ трудности предпринятой задачи («пытаясь переплыть цѣлое Атлантическое море разсказовъ, смущаюсь и трепещу, робѣю и обливаюсь обильными каплями пота», сел. 251) и о долгихъ колебаніяхъ испытанныхъ авторомъ, прежде чѣмъ на нее отважиться, онъ говоритъ о процвѣтаніи литературы и науки въ Константинополѣ, сдѣлавшемся наслѣдникомъ Аѳинъ и Греціи, объ упадкѣ образованности и возрожденіи ея у себя на родинѣ, особенно при Николаѣ (у П. К.'а Πρόλογος, сел. κζ' σημ. γ' не вѣрно названъ Александръ). Переходя къ жизни Николая, авторъ пространно восхваляетъ тогдашній Константинополь, откуда былъ родомъ Николай, говоритъ объ отцѣ послѣдняго, «томъ знаменитѣйшемъ Александрѣ» (Ἀλέξανδρος ὁ πᾶν) изъ рода преславныхъ Маврокордатовъ, подробно повѣствуетъ объ образованіи своего героя (сел. 256), въ числѣ прочаго объ изученіи имъ многихъ языковъ и занятіяхъ философій. Далѣе биографъ сообщаетъ о вступленіи его въ должность драгомана (Порты) и великаго логоѳета при вселенскомъ патріархѣ, его женитьбѣ на дочери (молдавскаго) воеводы Димитраска, смерти супруги его во время пребыванія его въ Адрианополѣ и новой женитьбѣ его на дѣвицѣ изъ рода Кантакузиновъ. Авторъ говоритъ затѣмъ о двукратномъ воеводствѣ Николая въ Молдавіи (младшій братъ Іоаннъ получилъ между тѣмъ санъ драгомана). Хорошая слава, пріобрѣтенная на этихъ воеводствахъ, способствуетъ назначенію его теперь воеводою Валахіи, «и такимъ образомъ съ управленія Дакіей (обычное архаизирующее названіе воеводства; срв. и въ настоящемъ сборникѣ, въ στίχοι ἑρηνηγάτοι памяти воеводы Николая, произведеніи Іосифа Болгарскаго, сел. 270 ст. 43—50. Но у него Дакія=Валахія, Мэзія ст. 44, очевидно, Молдавія) переходитъ на управленіе мэзіяцами» (сел. 258). Во время военныхъ событій, повлекшихъ вторженіе враговъ и на границы Валахіи, Николай уступаетъ мѣсто вышеупомянутому брату своему Іоанну. Самъ онъ пишетъ въ это время трудъ свой «О долгѣ» (см. замѣтку о плѣнѣ воеводы Николая въ хронологическомъ спискѣ воеводъ настоящаго сборника, сел. 336, подъ 1717-ымъ годомъ), о которомъ упоминаетъ, какъ мы видѣли, и Аѳанасій Ипсиланти (селл. 166, 183). По смерти брата Николай снова назначался воеводою Валахіи (см. для этихъ двукратныхъ воеводствъ Николая сна-

чала въ Молдавіи, потомъ въ Валахіи упомянутую таблицу, сελл. 338, 336). Ораторъ восхваляетъ его воеводство, какъ осуществленіе (въ виду образованія Николая. см. выше) той идеи, чтобы философы царствовали (σελ. 259). Послѣ этого многовѣщательнаго и часто чрезмѣрно напыщеннаго очерка карьеры Николая, гдѣ факты приходится извлекать изъ массы фразъ, ораторъ переходитъ къ перечисленію его достоинствъ, очевидно, по опредѣленному риторическому шаблону. Такъ, сначала онъ говоритъ о внѣшности своего героя: кротости, спокойствіи взора, вселомъ, улыбающемся лицѣ, что все отражаетъ мягкость его характера. «Вѣдь и одинъ изъ древнихъ мудрецовъ, добавляетъ здѣсь біографъ, «сказалъ, что тѣлесная внѣшность складывается согласно упражненіямъ и стремленіямъ души. Помню я, слышавъ лично, какъ приснопамятный отецъ, блаженной памяти секретарь (срв. Аѳанасій, сел. 183 о переводѣ самимъ Александромъ своего турецкаго чина *μαχρέμι ἑσράζ* на греческій) бесѣдовалъ какъ то объ этомъ и изрекъ, какъ бы съ пивійскаго треножника, что прекрасная душа (у П. К.'а, несомнѣнно, опущено слово *κλή* при *ψυχή*) обитаетъ въ прекраснѣйшемъ тѣлѣ и наоборотъ (*ἀντιπεπονήθως*) въ некрасивомъ тѣлѣ образуется душа подобная оболочкѣ». Чрезвычайно напыщенно дальнѣйшее (σελ. 260) новое изліяніе автора относительно своего затрудненія и смущенія передъ серьезностью задачи повѣствовать о духовныхъ преимуществахъ того же самого воеводы (чит. *τοῦ αὐτοῦ ἡγεμόνος*), безчисленныхъ, недоступныхъ по ихъ величю, совершенно подобныхъ океанскимъ морскимъ пространствамъ (авторъ явно повторяется въ своихъ образахъ). Онъ говоритъ о благочестіи и православіи воеводы, проявившихся и въ его посвященіи храмовъ и другихъ церковныхъ построекъ патриаршему трону въ Иерусалимѣ, о его мудрости, мужествѣ, выносливости, говоритъ о добромъ воспитаніи пмъ дѣтей, безвременную потерю коихъ онъ сносилъ безропотно, о его цѣломудріи и порядливости его жизни, справедливости, однимъ словомъ проходитъ весь кругъ добродѣтелей, согласно правиламъ панегирическаго краснорѣчія, ведущимъ происхожденіе отъ Исократы. Во всемъ этомъ весьма мало индивидуальнаго, все сглаживаетъ однообразный потѣкъ преувеличенныхъ похвалъ совершенствамъ героя панегирика. Такимъ образомъ *ιστορικώτερον διαλαμβάνων*, въ заглавіи панегирика, нужно понимать въ весьма ограниченномъ смыслѣ.

Иосифа, бывшаго (митрополита) болгарскаго, плачевные стихи на смерть воеводы Николая (умеръ въ 1731-омъ году, годъ обозначенъ самимъ сочинителемъ стиховъ въ концѣ его произведенія), селл. 269—275. Авторъ приглашаетъ оплакать Николая и Валахію, и Мэзію, дивится Гомеру, что онъ не спѣшитъ писать *ἐν Δάκκαις Ἰλιάδα* (ст. 50) и оплакать Валахію въ ея несчастіи. 15 лѣтъ правилъ Николай въ Валахіи, а раньше пять въ Молдавіи (въ обоихъ случаяхъ — итогъ лѣтъ двукратнаго воеводства), проживъ всего 60 лѣтъ и оставивъ наслѣдникомъ сына, Константина. Авторъ распространяется въ похвалахъ послѣднему.

Остальное стихотвореніе посвящено изліянію мыслей автора о торжествѣ смерти и молитвѣ за умершаго въ виду его благодѣяній бѣднымъ и спротамаъ, также духовенству всѣхъ степеней. «Склони, Господи, ухо твое и снизойди ко мнѣ, и спаси пріяную тобою душу Николая, четыре раза хорошо правившаго, вѣрнаго слуги твоего» (ст. ст. 269—271). Заканчивается произведеніе смиренной стихотворной подписью автора, съ указаніемъ родины его и года написанія стихотворенія (и вмѣстѣ смерти Николая).

Длинное «Перечисленіе извѣстнѣйшихъ храмовъ и монастырей имени Богородицы» Кесарія Дапонтеса, составленное, какъ видно изъ ст. 933 слѣд. (σελ. 302) въ 1768-омъ году, извлечено издателемъ изъ рукописи его *Ἀυθῆ νοητά* и примыкаетъ къ другимъ частямъ этого сборника, какъ это видно изъ обращенія къ читателю (гдѣ *ἔχα πητέ* исправлено въ списокѣ опечатокъ) въ началѣ публикуемаго извлеченія. Начинается это перечисленіе съ пещерной церкви близъ Бахчисарая въ Крыму, гдѣ, по словамъ автора, образъ Богородицы едва можно разобрать по причинѣ старины его. Далѣе идутъ монастыри Молдавіи, Валахіи, Константинополя и проч. Обзоръ раздѣленъ на два большихъ отдѣла: «въ Европѣ», «въ Азіи». Въ 433 слѣд. стихахъ, по поводу споровъ разныхъ странъ о подлинности находящихся у нихъ иконъ кисти св. евангелиста Луки, авторъ касается покоренія Польши Россіей и говоритъ о перевозѣ въ Россію древней краковской иконы Богоматери: «и пріянула ее императрица Екатерина, нынѣ царствующая», ст. 947. Какъ и стихотвореніе объ основаніи школы на Аѳонѣ, произведеніе Дапонтеса не имѣетъ отношенія къ исторіи Румыніи и помѣщено въ Сборникѣ лишь какъ произведеніе автора «Дакійскаго дневника».

Привѣтственныя рѣчи (*προσφωνήματα, προσλαλήσι*) къ воеводамъ Валахіи Александру Мурузи и Александру Ипсиланти, σελλ. 321—326, принадлежатъ перу Лампра Фотіада. Первая изъ нихъ обращена была къ воеводѣ Александру Мурузи при вступленіи его въ 1792 г. въ Бухарестъ въ санѣ воеводы Валахіи, вторая при основаніи Александромъ Ипсиланти въ 1776 г. воеводской школы, третья привѣтствуетъ того же Александра при вступленіи его во второе воеводство (начало: «зѣло радуйся, дочь Сіона, радуйся Богомъ собранная дакійская церковь», 1796 г.).

Опуская списокъ султановъ и визирей, воеводъ Молдавіи и Валахіи, а также «Генеалогію фанариотскихъ фамилій» (о значеніи ея для установленія нѣкоторыхъ фактовъ см. Πρόλογος, σελ. 29—30), переходимъ къ документамъ и письмамъ, вошедшимъ въ настоящій сборникъ.

Письма александрійскаго патріарха и блюстителя Кр. трона Мелетія Пигаса (1597—98 г. г.), σελλ. 345—392, частью извѣстны въ русскомъ переводѣ Малышевскаго (Мелетій Пигасть, т. I, Кіевъ 1872, письма 4 и 9). На значеніи 7-го письма для опредѣленія хронологіи архіепископа Ахридѣ Нектарія указываетъ издатель (Πρόλογος, σελ. λα', A. Gelzer, Der Patriarchat v. Achrida, Lpg. 1902). Кромѣ первыхъ двухъ писемъ, мѣсто на-

значенія коихъ не обозначено (однако пмя «бывшаго воеводы Александра» указываетъ во 2-омъ письмѣ на предшественника Михаила въ Валахіи [1595—1601] Александра), и 7-го—Нектарію, остальные девять адресованы воеводамъ въ Валахіи Михаилу, въ Молдавіи Іереміи (Могилѣ, 1594—1607) и митрополитамъ этихъ воеводствъ (въ Валахіи Евѣмію, въ Молдавіи Георгію). Второе письмо упоминаетъ и осуждаетъ подложныя клеветническія письма, составленныя отъ имени бывшаго воеводы Александра и знатнѣйшихъ лицъ, въ томъ числѣ г-на Евстафія. Письма воеводѣ Михаилу (3, 5, 8) успокоиваютъ его на счетъ опасности прохожденія черезъ страну татарскаго войска (въ 3-емъ упоминается, что Іереміи угрожаетъ король Ерделіи), при чемъ письмо 5-ое упоминаетъ уже о смѣщеніи паши, по ходатайству патріарха, очевидно, въ связи съ опасеніями воеводы, ер. 3. Въстѣ съ тѣмъ 5-ое письмо убѣждаетъ воеводу оставаться вѣрнымъ султану, внести, сколько возможно, дани для обезпеченія страны: τούτω ἄρ τῷ τρόπῳ φεύγει ὁ κόσμος ἅπας τὰς Σκυθικὰς αἰχμαλωσίας (у П. К. ὁ κόσμος αὐτός). Восьмое письмо отвѣчаетъ на просьбу о защитѣ православныхъ въ Польшѣ отъ католической пропаганды и увѣщеваетъ самого воеводу пребыть вѣрнымъ православію, указывая его основы, говоритъ о попеченіи патріарха о нуждахъ церкви. Въ концѣ патріархъ говоритъ о своемъ латинскомъ письмѣ къ «непобѣдимому самодержцу Радульфу (Рудольфу)» и проситъ воеводу найти человѣка, знающаго латинскій языкъ, ознакомиться съ присланнымъ этимъ письмомъ въ переводѣ и съ своей стороны написать императору. Ссылку на упомянутое здѣсь латинское письмо находимъ въ адресованномъ «Радульфу» греческомъ письмѣ Мелетія, которое, вмѣстѣ съ другими письмами Мелетія, относящимися къ заботамъ его о поддержаніи православія въ Малороссіи и въ Польшѣ, опубликовано въ настоящемъ сборникѣ (см. отдѣлъ 17-ый, стр. 413—435, письмо «Радульфу» по. 20, сѣл. 435). Въ концѣ восьмого письма Мелетій говоритъ еще о томъ, что письма воеводы переводятся на турецкій для паши и султана. Письма къ воеводѣ Іереміи (4, 10, 12) упоминаютъ (4) о вызовѣ патріарха воеводою для противодѣйствія іезуитской пропагандѣ, одобряютъ его въ его православіи. Патріархъ пишетъ, что его удерживаютъ въ Константинополѣ и заботы о церкви, и царскій приказъ, и посредничество о мирѣ между султаномъ и воеводою Михаиломъ, увѣщеваетъ (10) воеводу къ усердному заступничеству за православныхъ въ Польшѣ путемъ писемъ къ королю, въ частности за Никифора (срв. ер. 1, протосинкеллъ). Последнее, 12-ое, письмо отправлено уже по отъѣздѣ въ Александрію и утѣшаетъ воеводу въ его печали объ этомъ отъѣздѣ защитника православія, упоминаетъ также о стараніяхъ патріарха о синодальномъ подтвержденіи акта возведенія архіепископіи въ Молдавіи на степень митрополіи. Объ этомъ предметѣ и о посылкѣ соотвѣтствующаго архіерейскаго облаченія трактуютъ и письма патріарха къ Георгію Могилѣ ерр. 9, 11. Въ 11-омъ письмѣ патріархъ сообщаетъ о латинскомъ письмѣ своемъ архіепископу Львова Гедону (въ

письмахъ Мелетія другаго, упомянутаго выше, отдѣла сборника Гедеоныъ всюду именуется еще епископомъ: ерр. 11 σελ. 420, ер. 16 σελ. 429, ер. 17 σελ. 433, ер. 19 σελ. 435). Письмо 8-ое, митрополиту Валахїи Евгенію, сообщаетъ объ отлученїи отъ церкви непокорныхъ митрополиту лицъ изъ духовенства и объ увѣщанїи имъ со стороны патріарха; въ концѣ встрѣчаемъ сообщеніе о покункѣ патріархомъ въ Константинополѣ двухъ монастырей, «дабы они не попали въ руки нечестивыхъ». Патріархъ предлагаетъ митрополиту и съ своей стороны помочь ему въ данномъ затрудненїи, вызванномъ этою покункою. «Награду знаешь» добавляетъ онъ.

«Письма различныхъ лицъ, имѣющія нѣкоторое отношеніе къ исторїи греческаго образованія въ Румыніи», σελл. 355—368. Письма Германа Этолійскаго митрополита, въ Ниссѣ, ерр. 1—2, касаются безпорядковъ въ школѣ, основанной въ Константинополѣ Манолисомъ изъ Касторїи; два другія, ер. 3—4, къ медику Іоанну (1686-го года), получившему въ Падуѣ ученую степень, и къ Евгенію Янкули, писаны изъ Валахїи. Врача Германъ вызываетъ въ виду отъѣзда мѣстнаго врача, состоящаго при воеводѣ (придворнаго медика). Далѣе Германъ сообщаетъ здѣсь о своемъ столкновенїи съ іерусалимскимъ патріархомъ, который въ отместку за нежеланіе Германа отпустить ему на исповѣди грѣхи и требованіе митрополита въ качествѣ эпитимьи отказать патріарха отъ кафедры, поубудилъ воеводу передать себѣ монастырь, первоначально предоставленный ему, Герману, такъ какъ онъ на свои средства обновилъ его и исправилъ. Письмо къ Евгенію, 1676 г., изъ Бухареста, упоминаетъ о смерти царя Алексѣя Михайловича, какъ сокрушенїи «горделивыхъ нашихъ надеждъ»: φέρε δὴ πάλιν ἐκτραγωδήσωμεν τὰ τῆς ἡμετέρας ἐλπίδος ἀυχίματα. ὁ μὲν οὖν τῶν ἀρκτέων σκλήπτρων Ἀλέξιος ὁσίως τὸν βιωτικὸν διαυλον κατὰ μῆνα τὸν Ἀνδροστηριῶνα διήνησε. Дѣло въ томъ, что волѣ Алексѣя подчинились сарматскія силы (дальнѣйшїй текстъ письма представляется намъ недостаточно яснымъ), которыя должны были служить оплотомъ противъ варваровъ [къ термину «сарматы» см. письма Мелетія Пигаса, особенно σελ. 431, ер. 16 второго посвященнаго этимъ письмамъ отдѣла сборника, т. е., 17 отдѣла, σελ. 420 (ер. 12), σελ. 434 (ер. 18)]. Изъ писемъ Хрисанѳа Нотары (по. 5—6) первое сообщаетъ о пребыванїи его у великолѣпнѣйшаго воеводы Валахїи (Сербана Кантакузина), который, находясь въ порогахъ Дуная, нынѣ именуемыхъ Демиръ-каписи, доноситъ о сборахъ къ войнѣ германцевъ. Оттуда же адресовано и письмо (6) къ Валентину Лютеру (имѣется и отвѣтъ на это письмо, ер. 7). Ер. 8 адресовано стольнику Кантакузину и оплакиваетъ смерть воеводы (Сербана), привѣтствуетъ вступленіе на воеводство Константина (Бранкована Басарабы). Значитъ, письмо написано въ 1689-омъ году. Оно написано уже изъ Германїи (ἐτύχομεν ἤδη τοῦ ποθοῦμένου καί, ἐν' οὕτως εἶπω, σωτηρίου λαμένος, τῆς Γερμανικῆς χώρας, μόλις δ' ἔμπης τῆ β'-α Δεκεμβρίου, terminus post quem письма). Письмо Аввакума (по. 9) даетъ свѣдѣнїя о нѣ-

коемъ математикѣ, преподававшемъ свою науку въ Богдавін (Молдавін) въ трехлѣтнемъ куреѣ. Изъ писемъ Евгенія Яниулуса одно адресовано воеводѣ Валахіи Радулу и помѣчено 1663-имъ годомъ (въ таблицѣ воеводъ Валахіи сѣл. 336 подлежитъ исправленію годъ вступленія на тронъ этого воеводы: 1663, а не 1665-ый). Оно выражаетъ горе отца о смерти сына своего Кирицы (по. 10). Другія два письма (ер. 11, 12) адресованы савновнику Георгію Кантакузину и Фотію. Въ послѣднемъ упоминается о прибытіи друга Евгенія Іоанна Каріофилла въ Валахію къ своему воеводѣ, согласно отмѣткѣ на полѣ рукописи, Константину Басарабѣ (1689 г.). Письмо 13-ое, анонимнаго митрополита Валахіи къ вселенскому патріарху Папсію, объ избраніи его изъ епископовъ Бузея (Μπουζέου) въ митрополиты воеводою и утвержденіи патріархомъ, выражаетъ смиренное послушаніе волѣ владыкъ свѣтскаго и духовнаго и благодарность, содержитъ его пожеланія имъ и обѣщаніе повиновенія патріарху. Ерр. 14—16, письма Макарія Патмоскаго воеводѣ Валахіи Михаилу, воеводѣ Молдавіи Іоанну, Скарлату, первыя два поздравительныя со вступленіемъ на престолъ, при чемъ превозносятся всяческія достоинства воеводъ и вмѣстѣ излагаются просьбы о покровительствѣ и милостынѣ патмоскому монастырю св. Іоанна Богослова (въ письмѣ къ Михаилу ссылка на древній хрисовулъ), «такъ какъ, посколькѣ времена неутѣшительны, и этотъ островъ въ печальномъ положеніи и стоилъ бы апостольскаго изгнанія (упраздненія?) и бремя долговъ невыносимо; мы, здѣшніе монахи, не имѣемъ возможности совершать объѣзды (за милостыней), такъ называемыя на народномъ языкѣ путины (τξίδια)», сѣл. 363. Въ письмѣ къ Скарлату упоминается школа, основанная при монастырѣ Манолакисомъ, и судьба семьи Анастасія, захваченной пиратами. Прошеніе Сумеліотовъ Михаилу Раковицѣ, ер. 17 (Михаилъ въ Валахіи первый разъ 1730—31, второй разъ 1741—44). Монахи и іеромонахи монастыря Всесвятой (παρυχή) Богородицы Сумелы просятъ милостыни, ссылаясь на хрисовулы монастырю его основателей Алексія Великаго Комнина и Андроника. Письмо каллиполитовъ въ Константинополь патріарху Григорію V-му, апрѣля 1821 г. (ер. 18), о покорности каллиполитовъ его патріаршему соборному посланію, извѣщавшему «о безбожной дерзости и исполненной всякой глупости, неблагодарности и зломыслия прежняго (не бывать бы ему таковымъ!) воеводы Молдавіи, злонамѣреннаго Михаила, сообщника Александра Испланти». «Они разсылали письма и пословъ въ различныя области, чтобы тѣ распространяли въ толпѣ рѣчи, нарушавшія общій миръ, чтобы обмануть и вовлечь въ пропасть гибели и нѣкоторыхъ изъ болѣе простоватыхъ сородичей своихъ». Каллипольцы выражаютъ свое возмущеніе этимъ, изъявляя вѣрность султану.

«Различныя документы», сѣлл. 371—382: 1. О выкупѣ Роксандрой, супругой воеводы Валахіи Александра, въ монашествѣ Пахомія, владѣній монастыря Каракаллы на Афонѣ и крупномъ дарѣ ея въ его пользу (1568—69 г. г.). 2. Архіепископа Синая грамота о монастырѣ Рымникѣ.

О постройкѣ на Синаѣ монастыря иждивеніемъ воеводы Валахій Константина Басарабы и сподарія Михаила Кантакузина во имя Успенія Божьей Матери. Архіепископъ сравниваетъ ихъ строительную дѣятельность съ дѣятельностью Юстиніана (1696 г.). 3. Точный переводъ изданнаго султаномъ приказа и фирмана о венеціанахъ (1777 г., іюля 9-го). 4—6 относятся къ войнѣ Турціи съ Россіей и Англіей. 8. Завѣщаніе Іоанна Хаджи-Ганца, съ надписью по славянски Веніамина, митрополита Молдавіи.

«Патріаршія грамоты», с.л.л. 385—398: 1. Рафаилъ, архіепископъ К. П. вселенскій патріархъ. Актъ соборнаго отрѣшенія за рядъ преступленій противъ правилъ церковныхъ митрополита Варны Θεοσιστα, въ числѣ прочаго за совершеніе четвертаго брака одного и того же лица. то самое нарушеніе церковныхъ канонѡвъ, за которое испрашивается прощеніе у Бога въ разрѣшительной грамотѣ почившему воеводѣ Константину, данной патріархомъ Каллиникомъ въ 1698-омъ году (по. 4. с.л. 391). 2. Актъ избранія трехъ кандидатовъ на митрополичью кафедру Брацлава и Измаила. 3. Сигилліи монастыря Κοτρρατζάνι (Κοτρρατζάνι во Влахіи, ст. 65, въ стихотвореніи Дапонтеса), 1681, февраль. Строителемъ является воевода Сербанъ. Сигилліи перечисляетъ различные доходы съ земель, отчисляемые монастырю (Βοιναρίτζιον ἀθηναικόν, «воеводская десятина съ вина», ἐκ τῶν δέκκ μέτρων τοῦ οἴνου ἐν μέτρον, по объясненію въ самомъ текстѣ сигилліи; ποκλόνιον καὶ τὸ λεγόμενον πέρπερον) и особенно настаиваетъ на свободѣ его отъ многочисленныхъ податей натурою, пошлинъ и службъ, съ запрещеніемъ доступа въ монастырь какимъ-либо чиновникамъ казны, а также судейскимъ. Разныхъ національностей поселенцы на территоріи монастыря освобождаются отъ всѣхъ податей. 5. Каллиника, вселенскаго патріарха, о запрещеніи выѣздовъ изъ предѣловъ своей епархіи, безъ разрѣшенія духовнаго главы, тѣмъ или другимъ лицамъ церковной іерархіи (1700 г.). 6. Того же Каллиника о разрѣшеніи брака въ пятой степени родства Александра Гики и Маріоры (1757 г.). 7. Рафаила, рядъ правилъ къ возстановленію нарушенныхъ порядка и дисциплины въ церковной іерархіи, въ виду смуты, обуревавшей церковь.

Изъ послѣдующихъ стихотворныхъ отдѣловъ сборника ἡρωελεγεῖα и ἐπιγράμματα Севаста Киминита и другихъ любопытны какъ показатели стремленія представителей греческаго просвѣщенія въ Валахіи, особенно времени Константина Басарабы (1689—1714) поддержать и эти поэтическія традиции. У Севаста Киминита (также въ одномъ изъ стихотвореній Николая Марицы Левкадскаго) большое мѣсто занимаетъ, какъ тема такихъ опытовъ, книгопечатаніе. Стихотвореніе Аванасія Пателлара 1643 г. интересно какъ образчикъ передачи на вульгарный греческій языкъ ученаго литературнаго языка виршей, полныхъ реминисценцій изъ Гомера, возможно, что самъ авторъ озабочился этою парафразою. Авторъ ея слѣдуетъ стилю народной поэзіи (μυρωδῆτος, πλουμισμένος,

ἀπακροῦπιδ. κατὰ χυρί), но неполнѣ послѣдователенъ въ своемъ опытѣ (ἔνθι, не λοῦλοῦδιζ, и т. под.).

Грамоты іерусалимскаго патріарха Досіоея за 1677—1704 г., σελл. 453—457, касаются привилегій, дарованныхъ воеводами монастырѣмъ: 1. Архангельскому въ Касниѣ, основанному молдавскимъ воеводой Стефаномъ, послѣ изгнанія имъ воеводы Василя (1654 г.). Сынъ Василя Стефаница прпсвоилъ и затѣмъ частью продалъ, частью подарилъ нѣкоторыя принадлежащія монастырю земли, въ томъ числѣ Μπουτζουλέστι и Ῥόζυοβον, такъ какъ и Стефанъ, изгнавъ Василя, завладѣлъ многимъ его имуществомъ. Однако за одно изъ этихъ помѣстій, Розново, логоуетъ Николай Раковица, получившій его въ даръ отъ Стефаницы, по просьбѣ патріарха, снабдилъ монастырь живымъ инвентаремъ и по этому патріархъ нашелъ возможнымъ оставить Розново за нимъ. Документъ датированъ воеводствомъ въ Молдавіи Антонія Россета, 1677 г., июнь. 2. Монастырю во имя Введенія во храмъ пресв. Богородицы въ Полвратіи, который, въ бытность тамъ іерусалимскаго владыки Пансія, въ 1650 г., Дацулъ Милеско подарилъ Св. Гробу. Вслѣдствіе полного обветшанія и запустѣнія монастыря въ результатѣ послѣдующихъ обстоятельствъ въ Валахіи, разбѣжались и его румыны и кацивель. Патріархъ вступилъ тогда въ переговоры съ потомками Милеска и просилъ милости для монастыря у воеводы Константина Басарабы (1689—1714), чтобы онъ его сдѣлалъ метохіемъ вновь построеннаго монастыря имени свв. Константина и Елены, а Св. Гробъ вознаградилъ чѣмъ-нибудь, потому что уже 15 лѣтъ Св. Гробъ ничего не получалъ. Воевода внесъ крупную сумму, которую Досіоей употребилъ на ремонтъ и постройку келлій имени Св. Георгія въ Бухарестѣ (подворье Св. Гроба?). Ссылаясь на новеллу императора Юстиніана, отмѣченную издателемъ, обращенную къ епископу іерусалимскому Петру, патріархъ устанавливаетъ согласіе подобнаго обмѣна съ церковными правилами. Особенно въ виду бѣдствій, постигшихъ Архангельскій монастырь въ Касниѣ вслѣдствіе нашествія ляховъ, татаръ, а также плохого управленія монастыря, въ третьемъ документѣ патріархъ предоставляетъ помѣстье его Μπουτζουλέστι ворнику Георгаки Руссету за пожертвованіе имъ живого инвентаря тому же монастырю. Въ четвертомъ документѣ монастырь, посвященный Св. Гробу въ Дальмари Іоанномъ Хатумпсомъ, превращается въ метохію Св. Саввы въ Яссахъ, послѣ того какъ, вслѣдствіе бѣдствій, его постигшихъ послѣ воеводы Димитраска (молдавскій воевода 1672 г. въ первый разъ, 1684 во второй разъ) отъ ляховъ, татаръ, турокъ, несмотря на неоднократную поддержку его патріархомъ изъ средствъ яскихъ монастырей Св. Гроба, онъ все же не могъ оправиться.

Νουθεσίαι, σελл. 461—462, и Ἐυχαιρίδιον, ἐν ᾧ γυνῶμαι καὶ φροντίσματα περὶ ἡθῆ καὶ πολιτείας, σελл. 465—504, Николая воеводы представляютъ обычный типъ подобныхъ увѣщательныхъ сочиненій (παραινήσεις). Болѣе обширное руководство содержитъ и нѣкоторыя спеціальныя наставленія,

связанныя съ мѣстомъ и временемъ. По отношенію къ многочисленнымъ и разнообразнымъ поборамъ воеводъ съ подданныхъ (см. сигилліи монастырю Котрацани, сѣл. 386—388) любопытно наставленіе S14-ое руководства: «Частые взносы, разоряя подданныхъ, уничтожаютъ предпримчивость къ приобрѣтенію, раздувая ненасытное пламя отвращенія. Вѣдь для людей деньги кровь и душа. Поэтому одпнаково возмутительно отнимать жизнь и отнимать состояніе. Нужно, чтобы взиманіе податей вызывалось дѣйствительною необходимостью, для очевидной охраны и спасенія всего строя государства, и подобаетъ, чтобы подати были умѣренны, а не срывали и обнажали (по пословицѣ) вмѣстѣ съ шерстью кожу. Добросовѣстный царь ненавидитъ и садовника, вырывающаго съ корнемъ овощи. Надо остерегаться и частыхъ взиманій и тѣхъ новыхъ для нихъ названій [срв., дѣйствительно, длинное перечисленіе въ томъ же сигилліи, сѣл. 388], которыя нимало не уменьшаютъ и не уничтожаютъ ненавистности ихъ. Будучи обманываема, народная масса тѣмъ смѣлѣе злоязыничаетъ, обвиняя правителя въ робости и приходя къ сознанію своего могущества».

Закончимъ свой обзоръ вновь опубликованныхъ матеріаловъ къ исторіи Румыніи нѣсколькими словами о риторическихъ произведеніяхъ Григораски Гики и Критія, сѣл. 507—512, обѣ—привѣтственныя рѣчи на бракъ дочери Александра Гики Екатерины съ Димитріемъ Георгіадомъ, и надгробной рѣчи воеводѣ Валахіи Григорію Гикѣ (1752 г.) Аноима изъ Өермъ, сѣл. 555—568.

Первая изъ пары свадебныхъ рѣчей, сказанная юнымъ братомъ молодой Григораскомъ Гикой, ученикомъ Критія, является, можетъ быть, однимъ изъ первыхъ опытовъ начинающаго оратора, не безъ участія, вѣроятно, самого учителя. Во вступленіи онъ обращается ко всѣмъ высокимъ персонамъ, присутствующимъ на торжествѣ, духовнымъ и свѣтскимъ, называетъ патріарховъ константинопольскаго и іерусалимскаго, шведскаго посла, воеводъ Молдавіи и Валахіи и своего отца *αὐθέντην ἐξ ἀπορρήτων*. Ораторъ распространяется о своихъ славныхъ предкахъ, Александрѣ, ὁ ἐξ ἀπορρήτων (срв. Аонасіи Ипсиланти, сѣл. 182), вспоминаетъ Николая и Іоанна, дядей отца своего, восхваляетъ и присутствующихъ воеводъ, потомъ переходитъ къ прославленію матери своей и, такимъ образомъ возвеличивъ родъ молодой, уже гораздо короче упоминаетъ о знатной роднѣ молодого. Заканчивается рѣчь пожеланіями благоденствія молодой четѣ. Критіи сначала воздастъ хвалу искусству своего предшественника на ораторскомъ мѣстѣ, его трудолюбію и дарованіямъ, его успѣхамъ не смотря на молодость, затѣмъ объявляетъ своей задачей восполнить сказанное имъ, прибавивъ немного, какъ дань благодарности отцу молодой. По стеченію всѣхъ благопріятныхъ обстоятельствъ онъ, по пословицѣ, сравниваетъ настоящее торжество съ муравейникомъ. Оно влечетъ къ восхваленію, но препятствіемъ является недостатокъ времени, блескъ церемоніи, неподготовленность оратора. Оставивъ брачную пару,

достаточно прославленную рѣчью предшественника, онъ восхваляетъ отца невѣсты, его предковъ и родственниковъ, его самого въ его добродѣтели, благородствѣ души, характерѣ, знаніяхъ: «и цвѣтетъ въ его свѣтлости на первомъ планѣ благочестіе и свитой его слѣдуетъ вся толпа (θίξος) добродѣтелей, прирожденныхъ и приобрѣтенныхъ (аристотелево дѣленіе), какъ бы на лугу со множествомъ красивѣйшихъ цвѣтовъ». Далѣе ораторъ переходитъ къ столь же цвѣтистому и словообильному восхваленію его неутомимыхъ и неусыпныхъ трудовъ на его важномъ посту, дарованномъ ему султаномъ. «Не находя времени, пропускаю это, и закончу, что превосходство ума, широта мысли, чрезвычайная разсудительность неизмѣнно служила владыкѣ и въ происшедшемъ договорѣ между царствами удачно и съ безукоризненною мѣткостью рѣшенія. . . . и по этому, при двоицѣ воеводъ — родственниковъ, онъ удостоивается владыкою почета воеводы и достойно возглашается и объявляется приказомъ въ царскомъ фирманѣ (θεσπίσματα ἐπὶ βασιλικῶν διπλωμάτων ἐκδοθέντι) третьимъ воеводой, какъ бы обезпечивая согласіе и прочный миръ между воеводами». И эта рѣчь заканчивается мольбами о благосостояніи брачной четы.

Въ надгробномъ словѣ Анеима вступленіемъ служить благодарность древнимъ риторамъ и учителямъ, искусство коихъ позволяетъ запечатлѣть въ памяти потомства славныя дѣла дивныхъ людей. Какъ ни склонны ритори преувеличивать, восхваленіе такого правителя, какъ покойный воевода, никогда не въ силахъ будетъ вполне достойно прославить его достоинство и заслуги. Начинаетъ ораторъ съ рожденія воеводы, т. к. его добродѣтели, по его словамъ, проявились еще въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Онъ не хочетъ останавливаться на физическихъ достоинствахъ своего героя, хочетъ говорить о нравственной духовной сторонѣ; на немъ отразилась славная исторія его предковъ, ихъ доблесть, политическая мудрость и проч. Говоритъ ораторъ далѣе о воспитаніи и образованіи воеводы Григорія, о томъ, какъ онъ поражалъ всѣхъ наставниковъ даровитостью своею и мудростью, объ изученіи имъ исторіи, языковъ. Слѣдуетъ описаніе служебной карьеры Григорія (съ 8-ой гл., сѣл. 559). Рядомъ восторженныхъ поздравленій столицѣ Молдавіи величаетъ ораторъ вступленіе Григорія на воеводство (гл. 10, сѣл. 560). Во всѣхъ четырехъ свойствахъ хорошаго правителя: справедливости, великодушія, правдивости, уступчивости, онъ всѣхъ превзошелъ. Но вотъ завистливая, своекорыстная Валахія отнимаетъ воеводу у унылой, сокрушенной Молдавіи. Но ненадолго: Молдавія подстерегаетъ удобный моментъ и похищаетъ отнятаго у нея воеводу, какъ разъ ко времени открытія великой войны между тремя государствами Европы (гл. 12, сѣл. 562). «Какъ удивительна и отвага этой великой души передъ тяжкими силами и походами Россіи. Когда, говорю я, вся территория воеводскаго трона была отовсюду заграждена войсками, безчисленными, неодолимыми, смута, волненіе, неурядица были такъ велики въ этомъ краю, какъ не слы-

хали нигдѣ въ наши дни». Восхваляется мужество и безтрепетность воеводы въ эту пору. Здѣсь ораторъ отвѣчаетъ на неблагопріятныя сужденія враговъ покойнаго воеводы. Съ водвореніемъ мира между упомянутыми великими государствами воевода продолжаетъ свою славную дѣятельность (гл. 13, сѣл. 562—563). Отправленіе (ссылку) воеводы на Тенедось ораторъ толкуетъ какъ произволеніе Бога, имѣвшее цѣлью дать отдыхъ ему отъ столькихъ трудовъ и заботъ. «И чтобы ктонибудь не заподозрилъ, что это собственная моя догадка, пусть раскроетъ глаза и увидитъ великолѣпнѣйшаго владыку Григорія царскою волею снова возвращающагося на тронъ Молдавіи» (гл. 15, сѣл. 563). Новое перемѣщеніе воеводы на валашскій тронъ, благодѣянія его правленія сыплются теперь на эту область (гл. 15, сѣл. 564). Ораторъ останавливается на монастырѣ св. Пантелеймона въ предмѣстьѣ города, какъ созданіи воеводы; при монастырѣ была страннопріимная и больница для бѣдняковъ. Въ его правленіе осуществилась та пора, о которой пророчествовалъ Исаія, что будутъ пастись вмѣстѣ волки съ ягнятами, леопарды съ козами, львы съ телятами. Безвредны стали всѣ преступныя, хищныя, кровожадныя, воцарился глубокій миръ, полная свобода всякому безъ страха итти, куда кто пожелаетъ.

«Ты, трижды блаженная душа, ты, достойная безчисленныхъ хвалебныхъ рѣчей, ты, которая стала по истинѣ великимъ чудомъ нашего вѣка, замыкая въ себѣ, какъ бы въ золотомъ казнохранилищѣ, всѣ милости природы вмѣстѣ, такъ, что могла ими гордиться не воеводская какая либо власть, которая оказалась самою малою въ сравненіи съ твоимъ величавѣйшимъ умомъ, но и величайшая власть самодержца, если бы она удостоилась вручить въ твою сіятельную десницу скипетръ самодержавный» и т. дал. Верха риторическаго эффекта достигаетъ авторъ, очевидно опытный риторъ, тамъ, гдѣ обращается къ собственной темѣ надгробнаго слова, смерти (гл. 17, сѣл. 565, внизу, — 566): «Но что это слушатели? что это? Вотъ въ концѣ рѣчи моей чувствую себя смущеннымъ. Слышу оглушительный голосъ, что гремитъ мнѣ въ уши. Пойдите-ка, прошу, прислушаюсь! ахъ! услыхалъ, услыхалъ, какъ же и не услыхать! Гдѣ уста, гдѣ языкъ, чтобы сообщить вамъ такое извѣстіе? и все же, если и умолчу, какая мнѣ польза? «Хорошо, рабъ добрый и вѣрный, види въ радость Господа Твоего». Призвалъ Богъ благочестивѣйшаго, высочайшаго, всесіятедьнѣйшаго нашего владыку г-на Іоанна Григорія Гику воеводу, отъ временнаго этого воеводства призвалъ въ то негдѣнное небесное царствіе» и т. дал. Слѣдуютъ обычный плачь объ умершемъ и мысли о суетѣ всего земнаго, переходящаго, напоминающія надгробное слово Какавелы на смерть Смарагды (сѣл. 566 пѣ. сѣл. 203—204). Концъ рѣчи выражаетъ радость за Валахію, что она обрѣла достойнаго наследника покойному воеводѣ, въ лицѣ Матѳея (обращеніемъ къ коему начпнаетъ свою рѣчь ораторъ). «Замѣчаю все же, что я какъ будто забылся; вотъ далъ волю я рѣчи, чтобы она разлилась

въ другія безбрежныя моря хвалебныхъ словъ; потому, помимо воли ея, подобаетъ причалить въ свою гавань молчанія»—такими словами ораторъ переходитъ къ заключительному прощанью съ покойникомъ и молебъ къ нему о благословеніи сына и наслѣдника.

Изъ представленнаго обзора читатель видитъ обиліе и разнообразіе матеріала, содержащагося въ новомъ сборникѣ источниковъ для румынской исторіи. Документы, дневники, письма, риторическія произведенія, стихотворныя опыты, все это въ разной степени составитъ предметъ детальнѣйшаго изученія и критики будущихъ изслѣдователей политической и культурной жизни румынскихъ воеводствъ XVI—XIX вв. Намъ остается отдать дань признательности издателю за его самоотверженную и энергичную работу при публикаціи текстовъ, часто затруднительныхъ по смѣшанному языку (въ дневникахъ), и по крайней впитеватости и запутанности фразеологии (въ риторическихъ произведеніяхъ). Весьма цѣненъ тщательно составленный указатель собственныхъ именъ и географическихъ названій.

С. Шестаковъ.

Σπ. Π. Ἀάμπρου. Ἀργυροπούλεια, λόγοι, πραγματεῖαι, ἐπιστολαί, προσφωνήματα, ἀπαντήσεις καὶ ἐπιστολαὶ πρὸς αὐτὸν καὶ τὸν υἱὸν Ἰσαάκιον. Ἐπιστολαὶ καὶ ἀποφάσεις περὶ αὐτῶν (съ Введеніемъ объ Иоаннѣ Аргиропулѣ, его семействѣ и Аргиропулахъ вообще). Ἐν Ἀθῆναις. 1910 (σελλ. 125—352).

Въ числѣ грековъ, переселившихся въ Италію послѣ паденія Константинополя и способствовавшихъ въ эпоху Возрожденія распространенію здѣсь греческой учености, Иоаннъ Аргиропулъ является однимъ изъ самыхъ замѣтныхъ. Потому весьма желательнымъ приобрѣтеніемъ въ области изученія упомянутой эпохи и степени участія въ ней грековъ должна быть признана новая книга аѳинскаго профессора Ламброса, гдѣ онъ объединилъ какъ сочиненія Иоанна, такъ и матеріалы для его біографіи, частью уже извѣстныя въ печати, частью публикуемыя имъ впервые. На основаніи этихъ матеріаловъ онъ даетъ во Введеніи къ своему изданію этихъ сочиненій и матеріаловъ біографію Иоанна, гдѣ исправляетъ многіе пробѣлы и неточности, допущенныя прежними изслѣдователями. Литература предмета изучена Ламбросомъ весьма тщательно. Привлеченъ цѣлый рядъ старыхъ латинскихъ и итальянскихъ изслѣдованій, гдѣ можно было встрѣтить указанія на Аргиропула. Изъ новѣйшихъ книгъ, кромѣ общихъ всѣмъ извѣстныхъ пособій G. Voigt'a, Klette, Marie Gardthausen (Die griech. Schreiber d. Mittelalters и d. Renaissance. Lpzg. 1909), Bibliographie hellénique... aux XV et XVI siècles Эм. Леграна и проч., авторъ использовалъ монографію польскаго ученаго Яна Фіалека въ 36 томѣ трудовъ Краковской Академіи Наукъ (1902 г.), для чего въ его распоряженіи былъ рукописный ея греческій